

МИРЫ М. и С. ДЯЧЕНКО

МАРИНА И СЕРГЕЙ
ДЯЧЕНКО

ШРАМ

ФЭНТЕЗИ

Скитальцы

Марина и Сергей Дяченко

Шрам

«Автор»

1996

Дяченко М.

Шрам / М. Дяченко — «Автор», 1996 — (Скитальцы)

«Когда первое в твоём сердце станет последним, и на пять вопросов ты ответишь – да...» Таково условие, чтобы бывший доблестный гвард Эгерт Солль мог сбросит с себя заклятие, превратившее его в жалкого труса. Он не имеет право ошибиться, ему дан один только шанс. Но, воспользовавшись им, он рискует потерять свою любовь... Роман «Шрам» признанных звезд российской фэнтези Марины и Сергея Дяченко, второй в их тетралогии «Скитальцы», поражает глубиной проникновения в психологию героев, интригующим сюжетом и стилистическим изяществом отточенной прозы.

© Дяченко М., 1996

© Автор, 1996

Содержание

Пролог	5
Часть первая.	6
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Марина Дяченко, Сергей Дяченко

Шрам

Пролог

...откуда явился он и куда лежит его путь.
Он бродит по миру, как бродят по небу созвездья.
Он скитается по пыльным дорогам,
и только тень его осмеливается идти следом.

* * *

Говорят, что он носит в себе силу... ..но не этого мира.
...даже маги избегают его, ибо он неподвластен им.
Кто встанет на его пути по воле судеб или по недомыслию –
проклянет день этой встречи...
...помыслы неведомы, избранных он умеет одарить.
Дороги служат ему, как псы...
Горные вершины и камни далекого моря, холмы...
...и ущелья, нивы.....его тайну от людей.

* * *

...лесов и предгорий, равнин и побережий, тропинки и тракты...
И говорят, что вечно он будет бродить и скитаться.
Остерегись встречи с ним – на людной ярмарке...
...или в берлоге отшельника – ибо он всюду...
...И порог твоего дома не услышит ли однажды поступь Скитальца?

Часть первая. Эгерт

1

Стены тесной таверны уже сотрясались от гула пьяных голосов. После чинных взаимных тостов, после соленых шуточек, после веселой потасовки пришло время танцев на столе. Танцевали с парой служанок – те, раскрасневшиеся, трезвые по долгу службы, но совершенно одуревшие от блеска эполетов, от всех этих пуговиц, ножен, нашивок и страстных взглядов, из кожи лезли вон, лишь бы угодить господам гуардам.

Грохались на пол бокалы и кувшины; причудливо изгибались серебряные вилки, придавленные лихим каблуком. Веером, как колода карт в руках шулера, летали по воздуху широкие юбки; от счастливого визга звенело в ушах. Хозяйка таверны, мудрая тощая старуха, отсиживалась на кухне и лишь изредка высовывала нос из своего убежища – знала, плутовка, что беспокоиться нечего, что господа гуарды богаты и щедры, что убытки возместятся с лихвой, а популярность заведения лишь возрастет стократ...

После танцев гуляки умаялись – шум голосов несколько поутих, служанки, отдуваясь и на ходу поправляя неполадки в одежде, наполнили вином уцелевшие кувшины и принесли из кухни новые бокалы. Теперь, немного опомнившись, обе стыдливо опускали ресницы, соображая, не слишком ли вольно вели себя до сих пор; одновременно в душе у каждой таилась горячая надежда на что-то неясное, несбыточное – и всякий раз, когда запыленный ботфорт будто ненароком касался маленькой ножки, эта надежда, вспыхнув, заливала краской юные лица и нежные шеи.

Девушек звали Ита и Фета, и немудрено, что подвыпившие гуляки то и дело путали их имена; впрочем, многие из гостей уже едва ворочали языком и не могли больше говорить комплименты. Страстные взгляды замутились, а вместе с ними понемногу угасла девичья надежда на несбыточное – когда в дверной косяк над головой Иты вдруг врезался тяжелый боевой кинжал.

Сразу стало тихо; даже хозяйка высунула из своей кухни обеспокоенный лиловый нос. Гуляки оглядывались в немом удивлении, будто ожидая увидеть на прокопченном потолке грозное привидение Лапш. Ита сначала раскрыла в недоумении рот – а осознав наконец, что случилось, уронила на пол пустой кувшин.

В воцарившейся тишине отодвинулся от стола тяжелый стул; давя ботфортами черепки разбитого кувшина, к девушке неспешно приблизился некто, чей пояс был украшен пустыми кинжальными ножнами. Зловещее оружие извлечено было из дверного косяка; из толстого кошелька явилась золотая монета:

– Держи, красавица... Хочешь еще?

Таверна взорвалась криками и хохотом. Господа гуарды – те, кто еще в состоянии был двигаться – радостно колотили друг друга по плечам и спинам, радуясь такой удачной придумке своего товарища:

– Это Солль! Браво, Эгерт! Вот свинья, право слово! А ну, еще!

Обладатель кинжала улыбнулся. Когда он улыбался, на правой щеке его у самых губ проступала одинокая ямочка; Ита беспомощно стиснула пальцы, не сводя с этой ямочки глаз:

– Но, господин Эгерт... Что вы, господин Эгерт...

– Что, страшно? – негромко спросил Эгерт Солль, лейтенант, и от взгляда его ясно-голубых глаз бедняжка Ита покраснела испариной.

- Но...
- Становись спиной к двери.
- Но... господин Эгерт... сильно выпимши...
- Ты что, не доверяешь мне?!

Ита часто замигала пушистыми ресницами; зрители лезли на столы, чтобы лучше было видно. Даже пьяные протрезвели ради такого зрелища; хозяйка, немного обеспокоенная, застыла в кухонных дверях с белой тряпкой наперевес.

Эгерт обернулся к гвардам:

- Ножи! Кинжалы! Что есть, ну!

Через минуту он был вооружен, как еж.

- Ты пьян, Эгерт, – проронил, будто невзначай, другой лейтенант по имени Дрон.

В толпе гвардов вскинулся смуглый молодой человек:

- Да сколько он выпил?! Это же клопу по колено, сколько он выпил, с чего это он пьян?

Солль расхохотался:

- Верно! Фета, вина!

Фета повиновалась – не сразу, механически, просто потому, что не повиноваться приказу гостя у нее никогда не хватало смелости.

– Но... – пробормотала Ита, глядя, как в горло Солля опрокидывается, журча, винный водопад.

- Ни... слова, – выдавил тот, вытирая губы. – Отойдите... все.

– Да он пьяный! – крикнули из последних зрительских рядов. – Он же угробит девчонку, дурачье!

Последовала возня, которая, впрочем, скоро стихла – кричавшего, по-видимому, переубедили.

- Бросок – монета, – пояснил Ите пошатнувшийся Эгерт. – Бросок – монета... Стоять!!

Девушка, попытавшаяся было отойти от дубовой двери, испуганно отшатнулась на прежнее место.

– Раз, два... – Солль вытащил из груди оружия первый попавшийся метательный нож, – нет, так неинтересно... Карвер!

Смуглый юноша оказался рядом, будто только и ждал этого окрика.

- Свечи... Дай ей свечи в руки и одну – на голову...

– Не-ет! – Ита расплакалась. Некоторое время тишину нарушали только ее горестные всхлипывания.

- Давай так, – Солля, похоже, осенила незаурядная мысль, – бросок – поцелуй...

Ита вскинула на него заплаканные глаза; секунды промедления было достаточно:

– Лучше я! – и Фета, оттеснив товарку, встала под дверь и приняла из рук хохочущего Карвера горящие свечные огарки...

...Десять раз срезал клинок трепещущее пламя, и еще дважды вонзался в дерево прямо над девичьей макушкой, и еще трижды проходил на палец от виска. Пятнадцать раз лейтенант Эгерт Солль целовал скромную служанку Фету.

Считали все, кроме Иты – она удалилась на кухню рыдать. Глаза Феты закатились под лоб; меткие руки лейтенанта нежно лежали у нее на талии. Хозяйка смотрела печально и понимающе. У Феты обнаружился жар; господин Солль, обеспокоенный, сам вызвался проводить ее в ее комнату; отсутствовал он, впрочем, не так уж долго, и, вернувшись, встречен был восхищенными, слегка завистливыми взглядами.

Ночь перевалила через наивысшую свою точку и вполне могла называться утром, когда компания покинула наконец гостеприимное заведение; Дрон сказал в спину пошатывающемуся Эгерту:

- Все матери в округе пугают дочек лейтенантом Соллем... Ты, пройдоха!

Кто-то хохотнул:

– Купец Вапа... Ну, тот богач, что купил пустой дом на набережной... Так вот, он привез из предместья... молодую жену, и – что ты думаешь? – ему уже донесли... Бойтесь, говорят, не чумы и разорения, бойтесь гуарда по имени Солль...

Все захохотали, и только Карвер нахмурился, услышав упоминание о купцовой жене. Бросил сквозь зубы:

– То-то я думаю... Кто-то вякнул по простоте душевной, а купец теперь глаз не смыкает...

Сторожит...

Он раздраженно тряхнул головой – видимо, купцова жена не первый день занимала его мысли, а ревнивый муж ее успел досадить уже одним своим существованием.

Эгерт, пошатнувшись, остановился, и благодатная рассеянность на его лице понемногу уступила место интересу:

– Врешь?

– Если б врал, – отозвался Карвер неохотно. Похоже, разговор был ему в тягость.

Вся компания понемногу встала; кто-то заинтригованно хмыкнул.

Эгерт вытащил из ножен шпагу, свою знаменитую, древней работы шпагу, и торжественно объявил, обращаясь к узкому лезвию:

– Даю обет... Что купец не уберется ни чумы, ни разорения, ни...

Последние его слова потонули в новом взрыве хохота. Карвер помрачнел и втянул голову в плечи.

Славный город Каваррен был столь же древен, сколь и воинственен. Ни в одном другом городе не жили бок о бок столько славных потомков древних династий; ни в одном другом городе не произрастало рядом такое количество генеалогических древ. Нигде более не ценились столь высоко отвага и умение владеть оружием – сравниться с этой доблестью могло разве что умение выращивать бойцовых вепрей.

Любой дом в Каваррене мог при необходимости выдержать натиск многосотенного войска – так крепки и толсты были стены, так неприступно темнели узкие окна, так много стальных шипов там и сям торчало из ворот и дверей. В подвале каждого дома бережно хранился целый арсенал разнообразнейшего оружия, а над крышей гордо развевалось украшенное бахромой знамя. На внешней стороне ворот обычно красовался герб, один вид которого обратил бы в бегство целую армию – так много там было когтей и зубов, горящих глаз и свирепо оскаленных пастей; сам же город был обнесен крепостной стеной, а ворота были снабжены столь угрожающими атрибутами, что, вздумай даже Харс-Покровитель Воинов атаковать Каваррен – лишился бы головы либо бежал без оглядки.

Но более всего Каваррен гордился своим элитным полком, полком гуардов. Стоило в хоть сколько-нибудь уважаемой семье родиться сыну, как отец тут же добивался зачисления розового крохи в славные воинские ряды. Ни одно празднество не обходилось без парада; улицы и без того спокойного городка неустанно патрулировались, кабачки процветали, а матери строго призывали дочерей к благоразумию, а время от времени случались и дуэли, о которых потом говорили долго и с удовольствием.

Впрочем, гуарды славились не только попойками и похождениями. В истории полка были победы в кровопролитных войнах, которые весьма часто вспыхивали в старые времена; нынешние гуарды, потомки славных бойцов прошлого, не раз являли воинское искусство в стычках со зловными, хорошо вооруженными бандами разбойников, время от времени наполнявших окрестные леса. Все уважаемые люди города провели молодость в седле и с оружием в руках.

Однако, самым страшным событием в истории города была отнюдь не какая-нибудь война или осада, а Черный Мор, явившийся в Каваррен много десятилетий назад и за три дня сокративший число горожан едва ли не вдвое. Против Мора бессильны оказались и стены, и

укрепления, и острая сталь. Каварренские старики, пережившие в детстве Мор, любили рассказывать внукам страшные истории; от всех этих ужасов юноши могли повредиться в уме, не обладай молодость счастливой способностью – выпускать из левого уха наставления, только что влетевшие в правое.

Эгерт Солль был плоть от плоти родного Каваррена, был верным сыном и воплощением его доблестей. Умри он вдруг, в одночасье, в возрасте двадцати с половиной лет – он мог бы, пожалуй, стать духом Каваррена; впрочем, в красивую белокурую голову взбрело все что угодно, только не мысли о смерти.

Пожалуй, Эгерт вообще не верил в ее существование – это он-то, успевший убить на дуэли двоих! Оба случая имели широкую огласку, но, поскольку речь шла о чести и все дуэльные правила были строго соблюдены, о Солле говорили скорее с уважением, нежели хоть сколько-нибудь осуждая. Рассказы же о прочих поединках Солля, в которых противники его отделались ранами или увечьями, попросту служили хрестоматийными примерами для юношей и подростков.

Впрочем, с некоторых пор Эгерт дрался на дуэли все реже – не потому, что иссяк его боевой азарт, а потому, что все меньше было охотников напороться на его фамильный клинок. Солль был самозабвенным мастером фехтования; с тринадцати лет, когда взамен детской шпажки отец торжественно вручил ему семейную реликвию с витой рукояткой, шпага стала единственной его игрушкой.

Неудивительно поэтому, что у Солля совсем не было врагов – что какой-то мере уравновешивалось избытком друзей. Друзья встречали его в каждой таверне, друзья сонмищем следовали за ним по пятам – и невольно становились свидетелями и участниками его буйных забав.

Обожающий всякого рода опасность, он находил особую прелесть в танцах на лезвии бритвы. Однажды на спор он влез по внешней стене на пожарную каланчу – самое высокое сооружение в городе – и трижды прозвонил в колокол, вызвав тем самым немалую тревогу. Лейтенант Дрон, заключивший с Соллем пари, вынужден был поцеловать в губы первую встречную даму – а дама оказалась старой девой, тетушкой бургомистра, то-то был скандал!

В другой раз пострадал гуард по имени Лаган – он проиграл пари, когда Солль на глазах у всех оседлал здоровенного бурого быка, свирепого, но совершенно оцепеневшего от такой наглости. Зажав в зубах конскую уздечку, Лаган тащил Солля на плечах от городских ворот до самого дома...

Но больше всех доставалось Карверу.

Они были неразлучны с детства – Карвер льнул к Соллю и был привязан к нему, как брат. Не особенно красивый, но и не урод, не особенно сильный, но и не самый слабый, Карвер всегда проигрывал сравнение с Эгертом – и в то же время принимал на себя отблеск его славы. С малых лет он честно зарабатывал право называться другом такой выдающейся личности, снося порой и унижения, и насмешки.

Он хотел быть таким, как Солль, он так страстно этого желал, что незаметно для себя перенимал у друга повадки и манеру говорить, походку, даже голос. Он научился плавать и ходить по канату – только небо знает, чего это стоило ему... Он научился громко смеяться над собственным падением в грязную лужу, он не плакал, когда камушек, метко брошенный мальчишкой-Соллем, оставлял кровоподтек на плече или колене. Великолепный друг ценил его самоотверженность и по-своему любил Карвера; это не мешало Соллю забывать о существовании приятеля, если тот не попадался ему на глаза хотя бы день. Однажды четырнадцатилетний Карвер решился на испытание – сказавшись больным, он целую неделю не появлялся среди товарищей, сидел дома, с трепетом ожидая, когда же Солль вспомнит о нем. Солль не вспомнил – его отвлекали многочисленные забавы, игрища, пикники; он не знал, конечно, что Карвер молча просидел у окна все семь дней своего добровольного затворничества и однажды, сам себя презирая, даже заплакал горькими злыми слезами. Страдая от одиночества, Карвер

клялся навсегда порвать с Эгертом – а потом не выдержал и явился к нему, и был встречен с такой неподдельной радостью, что тут же позабыл обиду...

Мало что изменилось, когда оба повзрослели. Робкому Карверу не удавались любовные похождения – Эгерт наставлял друга, между делом уводя из-под его же носа симпатичных Карверу девушек. Тот вздыхал и прощал, считая собственное унижение самопожертвованием ради дружбы.

Эгерт имел обыкновение требовать от окружающих такой же отваги, какой обладал сам, и всячески насмехаться над приятелями, не оправдавшими его ожиданий. Тут Карверу пришлось особенно туго; однажды поздней осенью, когда речка Кава, огибающая город, взялась первым льдом, Эгерт предложил состязания – кто быстрее перебежит по льду с берега на берег. Все приятели его тут же сослались на спешные дела, хвори и недуги – а Карвер, оказавшийся по обыкновению под рукой, получил в лицо презрительную усмешку и такое едкое словечко, которое заставило его залиться краской от ушей до самых пяток... Чуть не плача, он согласился на условия Солля.

Конечно, Эгерт, который был выше и тяжелее, благополучно проскользнул по гладкому льду на противоположный берег, и удивленные рыбы в темной глубине разинули рты. Конечно, Карвер в решающий момент испугался, приостановился, собираясь вернуться – и с треском ухнул в черную, лучистую, как звезда, полыню, великодушно предоставив Эгерту возможность спасти себя и тем самым заработать новые лавры.

Интересно, что он искренне был благодарен Соллю, вытащившему его из ледяной воды.

...Матери взрослых дочерей вздрагивали при одном имени Эгерта Солля, отцы подрастающих сыновей ставили юношам в пример. Рогоносцы хмурились, встретив Эгерта на улице – и все же учтиво приветствовали его. Бургомистр прощал ему учиняемые в городе каверзы и дебоши, сквозь пальцы смотрел на поступающие на Солля жалобы – потому что еще жив был в памяти тот случай во время веприных боев.

Отец Солля, как и многие в Каваррене, разводил боевых вепрей – а это считалось тонким и уважаемым искусством. Черные вепри из дома Солля были исключительно свирепы и кровожадны, конкуренцию им составляли только бурые полосатые вепри из дома бургомистра. Не было боев, в финале которых не встречались бы эти вечные соперники; борьба велась с переменными успехом, пока однажды погожим летним днем бурый полосатый чемпион по кличке Рык не взбесился прямо на ристалище.

Походя пропоров брюхо противнику – черному красавцу Харсу – обезумевший кабан кинулся на публику. Собственный полосатый товарищ, случившийся по дороге и упавший с распоротым брюхом, задержал безумца ненадолго; бургомистр, по традиции занимавший с семейством первый ряд, успел только истошно завопить и, подхватив жену, вспрыгнуть ногами на обитое бархатом сиденье.

Никто не знает, чем закончилась бы сия кровавая драма; вполне возможно, что многие, кто пришел в этот день полюбоваться боями, и прежде всего бургомистр, разделили бы печальную участь красавца Харса, ибо Рык, с поросычьего возраста возвращенный в свирепости, решил, по-видимому, что вот он, наконец-то, его день. Бедняга ошибся – это был день не его, а Солля, который оказался в центре событий раньше, чем публика в задних рядах поняла, что происходит.

Эгерт выкрикивал в адрес Рыка самые оскорбительные, по его мнению, для вепря слова; в левой руке его неустанно вращалась ослепительно яркая ткань (как потом оказалось, накидка одной из экстравагантных дам, прикрывавшей ею свои обнаженные плечи). Рык замешкался всего на секунду – этой секунды хватило бесстрашному Соллю, чтобы, подскочив вплотную, всадить под лопатку бурого безумца свой длинный, выигранный на пари кинжал.

Потрясенный бургомистр преподнес дому Соллей самый щедрый из возможных подарков: всех бурых полосатых вепрей, сохранившихся в его загонах, в одночасье зажарили и съели

(правда, мясо их оказалось жестким и жилистым). Эгерт сидел во главе стола; отец его глотал слезы умиления – ведь теперь черные красавцы Соллей не знали в городе равных! Подступающая старость сулила Соллю-старшему покой и утешение, поскольку сын его был лучшим из сыновей.

Мать Эгерта не присутствовала тогда на пиршестве – она часто хворала и не любила шумных сборищ. Когда-то сильная и здоровая женщина, впервые она слегла после того, как Эгерт убил на дуэли своего первого противника; Соллю иногда приходило в голову, что мать его избегает, едва ли не боится. Впрочем, он всегда гнал от себя странные или неприятные мысли.

...Ясным солнечным днем – пожалуй, это был первый по-настоящему весенний день – купцу Вапе, гулявшему по набережной под руку с молодой женой, случилось приятное знакомство.

Новый знакомец, показавшийся Вапе чрезвычайно благородным молодым человеком, был, как ни странно, господин Карвер Отт; знаменательным было то, что юный гвард прогуливался в обществе сестры – незаурядных размеров девицы с высокой пышной грудью и скромно опущенными серо-голубыми глазами.

Девицу звали Бертиной; вчетвером – Карвер рука об руку с Вапой, Бертина подле красавицы Сении, молодой купцовой жены – они непринужденно прошлись взад-вперед по набережной.

Вапа был удивлен и одновременно растроган – впервые кто-то из «этих проклятых аристократов» проявил к нему столь теплое внимание. Сения мельком поглядывала на юное лицо Карвера – и опускала глаза, будто опасаясь наказания за один только запретный взгляд.

Миновали группу гвардов, картинно расположившуюся вокруг парапета; Сения, бросив опасливый взгляд, обнаружила вдруг, что молодые люди не беседуют, как обычно – отвернувшись, как по команде, в сторону реки, все они одинаково зажимали руками рты и время от времени странно сотрясались, словно всех в одночасье поразил один и тот же недуг.

– Что это с ними? – удивленно спросила она у Бертины.

Та только грустно покачала головой и пожала плечами.

С беспокойством переведя взгляд с гвардов на сестру и с сестры на Сению, Карвер вдруг понизил голос:

– Ах, поверьте, в городе, где так сильны традиции разврата... Бертина – невинная девушка... И очень трудно выбрать ей подруг, будучи уверенным, что тлетворные влияния... О, как было бы хорошо, если бы Бертина подружилась с госпожой Сенией!

В последних словах его проскользнул вздох.

Вчетвером повернули и пошли в обратную сторону; гвардов у парапета стало меньше, те, что остались, упорно смотрели на реку, а один сидел прямо на булыжной мостовой и всхлипывал.

– Пьяны, по обыкновению, – осуждающе заметил Карвер. Сидящий поднял на него мутные глаза – и согнулся пополам, не в силах сдержать хохота, раздирающего ему грудь.

На другой день Карвер с сестрой нанесли Вапе визит; Бертина призналась Сении, что совсем не умеет вышивать шелком.

На третий день Сения, которой нестерпимо скучно было коротать дни в одиночестве, попросила мужа разрешить ей почаще встречаться с Бертиной – это развлечет обоих, к тому же сестра Карвера попросила ее об уроках вышивания.

На четвертый день Бертина явилась, сопровождаемая, как стражей, верным братом, который был непривычно хмур и вскоре раскланялся. Купец уселся за счета; Сения повела гостью наверх, в свои комнаты.

Посвистывала канарейка в узорной клетке; извлечены были из корзинки иглы и тонкое полотно. Пальцы Бертины, слишком жесткие и грубые, отказывались подчиняться, но девушка старалась изо всех сил.

– Милая, – задумчиво произнесла вдруг Сеняя посреди урока, – а правда, что ты совсем-совсем невинна?

Бертина укололась иголкой и сунула палец в рот.

– Не смущайся, – улыбнулась Сеняя, – мне кажется, мы можем быть друг с другом вполне откровенны... Ты и правда... ну, понимаешь?

Бертина подняла на Сению ясные серые глаза, и та с удивлением увидела, что глаза эти невообразимо грустны:

– Ах, Сеняя... Ах, это такая печальная история...

– Я так и думала! – воскликнула жена Вапы. – Он соблазнил тебя и бросил, да?

Бертина помотала головой и снова тяжело вздохнула.

Некоторое время в комнате было тихо; потом с улицы донесся дружный смех двух десятков молодых глоток.

– Гуарды... – пробормотала Сеняя, подойдя к окну. – Смеются... Отчего они все время здесь смеются?

Бертина всхлипнула. Сеняя вернулась и присела рядом:

– Послушай... а ОН... твой возлюбленный... Был гуард?

– Если бы... – прошептала Бертина, – гуарды нежны и благородны... гуарды верны и мужественны... гуарды...

Сеняя скептически поджала губы:

– Вот уж не думаю, что гуарды верны... Кстати, твоего возлюбленного звали не Эгерт Солль?

Бертина подпрыгнула на подушках. Снова стало тихо.

– Милая, – шепотом начала Сеняя, – а ты... можешь мне сказать... Ты испытала... ну, понимаешь, говорят, что женщина тоже испытывает... наслаждение... Понимаешь?

И Сеняя покраснела – такая откровенность далась ей нелегко.

Бертина снова подняла глаза – на этот раз удивленные:

– Но, милая... Ты же замужем!

– Да в том-то и дело, – Сеняя резко встала, недовольная собой. – Процедила сквозь зубы: – Замужем... В том-то и дело...

Ее гостя медленно отложила вышивание.

Их беседа длилась около часа; Бертина говорила и говорила, и голос ее не хрипел, а, напротив, обретал почти музыкальные нотки. Она закатывала глаза и нежно поглаживала спинку кресла; она ворковала, и Сеняя, замершая с расширенными глазами, только переводила дыхание да время от времени облизывала пересохшие губы.

– И все это **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** бывает? – спросила она наконец дрожащим, прерывающимся голосом.

Бертина медленно, торжественно кивнула.

– И я этого **НИКОГДА** не узнаю? – прошептала Сеняя, замирая от горя.

Бертина поднялась. Набрала в грудь воздуха, будто намереваясь кинуться в холодную воду. Рванула на груди платье... На пол один за другим упали два круглых, набитых ватой мешочка.

У Сении перехватило дыхание, и она не смогла закричать.

Платье сползло с Бертины, как кожа со змеи. Под платьем обнаружились мускулистые плечи, широкая грудь, покрытая курчавыми волосами, живот с выступающими буграми мышц...

Когда платье скользнуло ниже, Сеняя закрыла руками глаза.

– Если ты закричишь, – шепотом сказал тот, кто был Бертиной, – твой же собственный муж тебя...

Сения не дослушала – она попросту лишилась чувств.

Конечно, Эгерт не стал пользоваться беспомощностью слабой женщины. Конечно, ему скоро удалось привести Сению в чувство; вышло так, что доверительная беседа скоро возобновилась – теперь уже в новом качестве.

– Ты... обещаешь? – спрашивала Сения, дрожа всем телом.

– Слово гарде.

– Ты... гард?

– Спрашиваешь! Я Эгерт Солль!

– Но...

– Только с твоего согласия.

– Но...

– Одно слово – и я уйду...

– Но...

– Уходить?

– Нет!!

Купец Вапа на первом этаже сердито нахмурился – в счета вкралась ошибка. Два десятка гардов под окнами его дома соскучились и собрались расходиться.

...Корзинка с рукодельем давно скатилась на пол, растеряв цветные клубки ниток. Канарейка в клетке примолкла, удивленная.

– О... Светлое небо... – Сения задыхалась, обвив руками шею Солля. Тот молчал – ему было не до бесед.

Бедная птичка забеспокоилась – ее клетка, расположенная над самой постелью, мерно и сильно раскачивалась. Старинные часы пробили величественную серию ударов, потом еще и еще.

– О... добрые духи... Светлое небо... – Сения не знала, кого еще помянуть и еле сдерживалась, чтобы не завопить во все горло.

...Купец Вапа удовлетворенно потер руки – ошибка исправлена, нерадивый писец вскоре лишится места... Как хорошо, однако, что Сения подружилась с сестрой этого господина Карвера! Целый день ее не слышно и не видно, не вертится перед глазами, не канючит и не просится погулять... Даже непривычно, – купец усмехнулся. Не подняться ли, не проведать ли мастериц?

Он уже привстал, намереваясь покинуть кресло – но поморщился от боли в пояснице и остался сидеть.

...Эгерт Солль, пошатываясь, выглянул из окна на набережную. Нагой и расслабленный, он стоял в оконном проеме и смотрел на товарищей с укоризной... Купец Вапа вздрогнул и поморщился: проклятые гарды! Ну что за хохот, что за вой...

Спустя несколько минут спустились Сения с Бертиной; Вапе показалось, что жена несколько не в себе, будто урок вышивания уж очень ее утомил. Прощаясь, она с особенной нежностью заглянула Бертине в глаза:

– Ты... придешь еще, да?

– Непременно, – вздохнула девушка, – мне никак не дается... этот стежок... милая Сения...

Купец презрительно поморщился: до чего сентиментальны эти женщины...

– Язык отрежу, – сказал Солль друзьям в кабачке. – Кто будет болтать... ясно?

Ни у кого не оставалось сомнений, что так он и сделает, если тайна купчихи Сении получит в городе огласку. Все помнили о фамильном клинке – и молчали.

Карверу, сыгравшему во всей истории немаловажную роль, подмигивали и жали руку. Поздравления, похоже, доставляли ему мало радости – несмотря на падавший на него отблеск Соллевой славы, «брат» первым напился и молча ушел.

Весна разразилась проливными дождями; по крутым мощным улочкам неслись мутные потоки, дети кухарок и лавочников отправляли в плаванье деревянные башмаки под парусом, а юные аристократы с тихой завистью глядели на них из высоких стрельчатых окон.

Однажды утром к гостинице «Благородный меч», которая располагалась едва не в самом центре Каваррена, подкатила простая дорожная карета; кучер, против обыкновения, не кинулся открывать дверцу, а равнодушно остался сидеть на козлах – похоже, пассажиры не были его господами, а всего лишь нанимателями. Дверца распахнулась сама, и невысокий, очень худой молодой человек откинул подножку, чтобы выйти.

Приезжие не были в Каваррене такой уж редкостью, и, возможно, прибытие кареты прошло бы незамеченным, если б напротив, в трактире «Верный щит», не коротал время Эгерт Солль с друзьями.

– Гляди-ка! – сказал Карвер, сидевший у самого окна.

Две или три головы повернулись в его сторону, прочие господа слишком увлечены были беседой и вином.

– Гляди-ка! – и Карвер подтолкнул в бок сидящего рядом Солля.

Эгерт взглянул – молодой человек к тому времени уже соскочил на мокрый булыжник и протягивал руку кому-то невидимому, все еще остававшемуся внутри. Юноша одет был во все темное – и глаз Солля сразу резанула какая-то несуразность в облике молодого незнакомца.

– У него нет шпаги, – сказал Карвер.

Тут только Эгерт увидел, что незнакомец безоружен, что на нем нет даже перевязи, а на тонком поясе – ни кинжала, ни хотя бы кухонного ножа. Солль пригляделся еще внимательнее – одежда незнакомца строгостью походила на форменную, но, если это и была форма, то ни в коем случае не военная.

– Это студент, – объяснил Карвер. – Наверняка студент.

Юноша тем временем, переговорив с кем-то внутри кареты, подошел расплатиться с кучером; тот по прежнему не проявлял ни доли почтения – похоже, студент не был к тому же и богат.

– А что, – протянул Эгерт сквозь зубы, – студенты, подобно женщинам, не носят оружия? Карвер хохотнул.

Эгерт презрительно ухмыльнулся и готов был отвернуться от окна – но в этот момент, опираясь на руку студента, из экипажа выбралась девушка. В кабачке как-то сразу стало тихо.

Лицо ее казалось озабоченным, бледным от усталости и печальным от дождя – но даже это не могло его испортить. Это было совершенное, почти что выточенное из мрамора лицо – только там, где у мраморных статуй белеют слепые мертвые очи, у этой девушки матово поблескивали темные, спокойные, без тени кокетства глаза.

Как и одежда ее спутника, платье приезжей было простым дорожным платьем – не умеющим, впрочем, скрыть ни прекрасных форм, ни легкости и гибкости движений. Девушка соскочила на булыжник рядом с юношей – тот что-то сказал, и мягкие губы его усталой спутницы чуть улыбнулись, а глаза, казалось, стали еще глубже и ярче.

– Немыслимо, – прошептал Эгерт.

Кучер тронул карету – оба отскочили, спасаясь от брызнувшей во все стороны жидкой грязи. Потом молодой человек вскинул на плечо объемистую котомку – и вдвоем, держась

за руки, приезжие вступили во владения «Благородного меча». Закрылась увитая вензелями дверь.

В трактире заговорили все разом; Эгерт молчал, не отвечая на вопросительные взгляды; потом уронил в сторону Карвера:

– Мне нужно знать, кто они.

Тот привычно поднялся, спеша услужить другу. Солль смотрел, как, перепрыгивая лужи, Карвер спешит через улицу к «Благородному мечу»; снова хлопнула дверь с вензелями, и прошло около четверти часа, прежде чем Эгертов приятель вернулся:

– Да, он студент... Пробудет, очевидно, около недели, – и Карвер замолчал, с удовольствием ожидая вопроса.

– А она? – бросил Эгерт.

– Она, – Карвер странно усмехнулся, – она не сестра ему и не тетка, как я надеялся... Она – невеста этого парня, и, похоже, свадьба не за горами!

Эгерт молчал – сообщение Карвера, хоть и не было неожиданностью, неприятно задело его, почти оскорбило.

– Противоестественный брак, – сказал кто-то из гуардов. – Мезальянс.

Все шумно согласились.

– А я слышал, – вставил Карвер удивленно, – что студентов всех оскопляют, дабы не отвлекались на плотские наслаждения и полностью предали себя науке... Что, врут, выходит?

– Выходит, врут, – разочарованно пробормотал лейтенант Дрон, опрокидывая забытый было кубок.

– Без шпаги ходит – все равно, что скопец, – тихо проронил Солль. Все обернулись в его сторону.

По лицу Эгерта неудержимо расплзлась хищная, презрительная ухмылка:

– Зачем скопцу женщина, господа, да еще ТАКАЯ?

Он встал – все уважительно расступились. Бросив хозяину несколько золотых монет – за всю компанию – лейтенант Эгерт Солль вышел под дождь.

В тот же вечер приезжий молодой человек со своей спутницей ужинали на первом этаже «Благородного меча»; трапеза их была достаточно скромной, пока сам хозяин, блистая улыбкой, не водрузил на стол перед ними плетеную корзину, ошетилившуюся бутылочными горлышками:

– Госпоже – от господина Солля!

С этими словами, подтвержденными многозначительной улыбкой, хозяин удалился.

Эгерт, удобно устроившийся в уголке обеденного зала, видел, как студент и красавица удивленно переглянулись; после долгих колебаний салфетка, прикрывавшая корзинку, была сдернута, и на лицах склонившейся над подарком парочки отразилось радостное изумление – еще бы, яства и вина отобраны были с отменным вкусом!

Впрочем, на смену радости вскоре пришло замешательство; о чем-то жарко переговорив со спутницей, студент вскочил и отправился к хозяину – выяснять, по-видимому, кто такой этот щедрый даритель господин Солль.

Эгерт допил свой кубок и, неспешно поднявшись, двинулся через зал к оставшейся в одиночестве девушке; он специально не смотрел на нее в этот миг, боясь разочарования – вдруг красавица вблизи окажется вовсе не так хороша?

Зал был наполовину пуст – ужинали немногочисленные постояльцы да коротала время смиренная компания горожан. «Благородный меч» слыл спокойным, пристойным заведением, хозяин тщательно оберегал его от шумных попок и потасовок. Оттягивая момент встречи с прекрасной дамой, Солль успел заметить новое лицо – по-видимому, этот высокий молодой путник прибыл совсем недавно и не успел еще попасться Эгерту на глаза.

Подойдя, наконец, к своей цели почти вплотную, Эгерт, внутренне изготовившись, взглянул на невесту студента.

Да, она была великолепна. Лицо ее не казалось больше таким усталым, и чуть порозовели гладкие, как алебастр, щеки; теперь, вблизи, он рассмотрел даже маленькие, незамеченные раньше детали – созвездие из крохотных родинок на высокой гордой шее и необычайно крутой, дерзкий изгиб ресниц.

Эгерт стоял и смотрел; девушка медленно подняла голову, и Солль впервые встретился взглядом с ее серьезными, чуть отрешенными глазами.

– Добрый день, – сказал Эгерт и уселся на место, где только что сидел студент. – Госпожа не воспротивится обществу скромного почитателя красоты?

Девушка не смутилась и не испугалась; она только казалась чуть озадаченной:

– Простите, вы...

– Мое имя Эгерт Солль, – он встал, раскланялся и снова уселся.

– А-а... – она, кажется, собралась улыбнуться. – Так это вас мы должны благодарить...

– Ни в коем случае! – Эгерт казался испуганным. – Это мы, смиренные граждане Каваррена, должны благодарить вас за ту честь, которую вы оказали нам... – чтобы закончить витиеватую фразу, ему пришлось добрать в грудь воздуха, – оказали нам, удостоив своим посещением... Только вот как долго мы сможем оказывать вам гостеприимство?

Девушка улыбнулась-таки, и Соллю тут же захотелось, чтобы улыбка никогда не сходила с ее лица.

– Вы очень любезны... Мы пробуем неделю, может быть, больше...

Хозяйственным движением Эгерт вытащил из корзинки и ловко откупорил первую попавшуюся бутылку:

– Разрешите выполнить долг гостеприимства и предложить вам... У вас родные в Каваррене, а может быть, друзья?

Она успела отрицательно покачать головой, но тут вернулся студент, и девушка улыбнулась уже ему – радостно, не так, как улыбалась до этого Соллю; Эгерт отметил это, и в душе его шевельнулось неприятное чувство, похожее едва ли не на ревность.

– Динар, вот господин Эгерт Солль, который так любезно предоставил нам все это чудо... Познакомьтесь, господин Солль, это мой жених – Динар.

Студент кивнул Эгерту, но руки не подал – его счастье, потому что Солль никогда в жизни не пожал бы эту костистую, не знающую оружия ладонь, на которой, казалось, до сих пор темнели пятна въевшихся в кожу чернил. Вблизи студент показался Эгерту еще более жалким и неуклюжим – и Солль мысленно воззвал к небу, допустившему вопиющую несправедливость и посадившему за один стол студента и его прекрасную спутницу...

Впрочем, за столом теперь сидели красавица и Эгерт – стульев было всего два, и студенту оставалось только топтаться рядом.

Не обращая на него ни малейшего внимания, Солль снова обратился к девушке:

– Простите, я ведь так и не знаю вашего имени...

Переводя удивленный взгляд с переминающегося студента на развалившегося на стуле Эгерта, девушка механически ответила:

– Меня зовут Тория...

Эгерт тут же повторил это имя, будто проверяя его на вкус; студент тем временем опомнился и подтащил к столу третий стул, пустовавший неподалеку.

– У вас нет здесь ни родных, ни друзей... – привстав, Солль наклонился над бокалом собеседницы, причем рукав его совершенно естественным образом коснулся рукава Тории, – вернее сказать, не было, потому что теперь весь город, я думаю, захочет подружиться с вами... Вы просто путешествуете, развлекаетесь?

Студент, чуть нахмурившись, взял у служанки третий бокал и плеснул себе вина. Эгерт чуть усмехнулся уголками губ – благородный напиток наполнял бокал студента едва ли на треть.

– Мы путешествуем, – немного скованно подтвердила девушка, – но не развлекаемся... Здесь, в Каваррене, много веков назад жил человек, интересующий нас... с научной точки зрения. Он был маг... Великий маг, и мы надеемся что он оставил о себе память... В старинных архивах, манускриптах, летописях...

С каждым словом она все более воодушевлялась, забывая о своем минутном замешательстве: какие-то заплесневелые бумаги были ей, по-видимому, дороже родных братьев – на слове «архив» голос ее дрогнул от благоговения. Эгерт поднял бокал – все равно, чем вызвано воодушевление женщины, лишь бы горели ее глаза и розовели щеки:

– Пью за путешественников, разыскивающих манускрипты!.. Только в Каваррене отродясь не бывало летописей, по-моему...

Студент выпятил губы. Сказал безо всякого выражения:

– В Каваррене обширная историческая библиотека... В Ратуше. Для вас это новость?

Солль не дал себе труда вступать с ним в разговор. Тория умела, по-видимому, ценить хорошие вина – глаза ее прикрылись от удовольствия после первого же глотка. Дав ей возможность насладиться, Эгерт вытащил из корзинки следующую бутылку:

– Обратите внимание... Гордость каварренских погребов, дитя южного виноградника, «Серенада муската»... Хотите попробовать?

Он снова наполнил ее бокал, вдыхая исходящий от нее запах – запах духов, настоянных на терпких травах; потом, касаясь рукавом ее теплого вздрагивающего рукава, положил на ее тарелку крохотный ломтик розовой грудинки. Студент мрачно вертел в длинных пальцах бутылочную пробку.

– Так что же это за счастливек, заинтересовавший вас даже спустя столько веков? – поинтересовался Солль с обворожительной улыбкой. – Хотел бы я быть на его месте...

Она охотно принялась рассказывать ему длинную и вовсе неинтересную историю о маге, основавшем какой-то орден, именуемый еще и воинством; Эгерт не сразу понял, что речь идет всего-навсего о Священном Привидении Лаш, которому действительно кто-то где-то поклоняется. Он слушал Торию – и слова девушки текли мимо его ушей, а голос завораживал, милый, необычный голос... Мягко открывались бархатные губы, давая проблеснуть белым зубам; Эгерт покрылся потом, воображая, что за поцелуй умеют подарить эти прекрасные губы.

Ему хотелось, чтобы девушка говорила вечно – но она запнулась, мельком взглянув на студента. Тот сидел нахохлившись, как больная птица, и смотрел на нее с укоризной.

– Прошу вас, продолжайте, – сказал Эгерт вкрадчиво. – Мне безумно интересно... Он, значит, в конце концов спятил, этот ваш маг?

Студент красноречиво глянул на Торию и завел глаза к потолку; Эгерт был не слепой, чтобы не прочесть в этом действе крайнее презрение к своим научным познаниям. Впрочем, оскорбляться поведением жалкого студента было ниже его достоинства.

Тория растерянно улыбнулась:

– Право же, я с удовольствием рассказала бы вам... Но мы так устали в дороге... Пожалуй, нам пора, – она легко поднялась, и бокал ее остался недопитым.

– Госпожа Тория, – Эгерт вскочил тоже, – может быть, быть, вы позволите мне выполнять долг гостеприимства и завтра? Вас ведь интересуют местные достопримечательности – а я считаю их знатоком, лучшим во всем городе...

Достопримечательностями Каваррена Эгерт считал в основном кабаки и загоны для бойцовых вепрей, но доверчивая Тория попала на его нехитрую удочку:

– Правда?

Студент тяжело вздохнул. Не обращая на него внимания, Эгерт энергично закивал:

– Безусловно... Разрешите узнать ваши планы на завтра?

– Они еще не определены, – угрюмо отозвался юноша. Прищурившись на него, Солль с удивлением отметил, что студенты тоже умеют злиться.

– Госпожа Тория, – Эгерт обернулся к девушке так, будто студент никогда и не родился на свет, – на завтрашний день я прошу вас запланировать осмотр достопримечательностей, обед в лучшем заведении Каваррена и вечернюю прогулку на лодке... Кава – на редкость живописная речушка, вы заметили?

Она как-то сникла, глаза ее потемнели и казались теперь двумя колодцами под грозовым небом. Тогда Эгерт улыбнулся так обаятельно, так искренне и беззащитно, как только мог:

– Я не все понял из вашего рассказа... Мне будет очень интересно задать несколько вопросов про этого... господина, подарившего миру орден Лаш... А в благодарность за рассказ ваш покорный слуга сделает все ради вашего удовольствия... Все, о чем вы попросите, ляжет к вашим ногам... До завтра!

Он раскланялся и вышел; немолодой постоялец проводил его усталым взглядом.

Комендант ратуши долго мялся и качал головой: книгохранилище пребывает в негодном состоянии, часть книг погублена пожаром, случившимся еще лет тридцать тому назад; чего доброго, на головы молодых людей обрушится балка или кирпич... Изыскатели, однако, были настойчивы и в конце концов получили доступ к желаемым сокровищам.

От сокровищ, впрочем, остались только жалкие крохи – то немного, что пощадил пожар, стало поживой целым поколениям крыс; разгребая мусор и помет, исследователи то и дело раздражались возгласами отчаяния. Эгерт, явившийся в книгохранилище с огромным букетом роз, застал молодую пару в тот самый момент, когда среди всеобщей разрухи обнаружился, наконец, более или менее сохранившийся уголок.

На Солля не обратили никакого внимания. Студент висел где-то под потолком, покачиваясь на ветхой стремянке; Тория смотрела на него, задрав голову, и в самой ее позе Эгерту почудилось едва ли не преклонение. В волосах у нее запутались клочья паутины, но глаза сияли, а мягкие губы полуоткрылись от восторга, в то время как студент говорил, не умолкая.

Он захлебывался словами, как фонтан захлебывается водой, он зачитывал откуда-то непонятные цитаты и тут же истолковывал их для Тории. Он упоминал длинные диковинные имена, витиевато рассуждал о рунических текстах и время от времени переходил на незнакомый Соллю язык; девушка принимала из его рук тяжелые пыльные тома, и нежные пальцы ее касались переплетов так благоговейно, что Солль испытал к книгам раздраженную ревность.

Постояв рядом с полчаса и так и не удостоившись хотя бы взгляда, он украсил своим букетом ближайшую полку и вышел. В душе его неприятно возилось уязвленное самолюбие.

Молодые постояльцы вернулись в гостиницу лишь к ужину – но за весь вечер Тория ни разу не вышла из номера и не ответила на вежливую записку Солля. Гуарды, устроившие штаб-квартиру в «Верном щите», засомневались – а не слишком ли высоко замахнулся Эгерт? Тот лишь презрительно фыркнул в ответ на насмешливые вопросы.

На другой день комендант ратуши имел встречу со щедрым господином Соллем – и юные изыскатели, явившиеся к своим книгам, получили смущенный отказ: сегодня никак невозможно, ремонтируется лестница, ключи у сторожа... Студент и Тория, удивленные, вынуждены были вернуться в гостиницу; Эгерт просидел в обеденном зале весь день – но Тория не спустилась опять.

Дождь лил всю ночь, дождь поливал студента, отправившегося поутру в ратушу и снова вернувшегося ни с чем. Только после обеда тучи наконец рассеялись и на мокрый город взглянуло солнце; юная пара, пребывавшая в бездействии, собралась, наконец, прогуляться.

Будто боясь далеко отходить от гостиницы, студент с невестой несколько раз прошлись взад-вперед по быстро высыхающей улице, не подозревая, сколько внимательных глаз наблю-

дают за ними через оконные стекла «Верного щита». Кто-то заметил, что студент бережет невесту лучше, чем берег жену купец Вапа; кто-то резонно заметил, что купцова жена в подметки не годится приезжей красавице, кто-то засмеялся.

Потом на пути гуляющих обнаружился Карвер.

Наблюдатели, приклеившиеся к окнам «Верного щита», видели, как, невзначай задев студента плечом, он тут же раскланялся чуть не до земли; студент поклонился тоже – Карвер радостно завел какой-то разговор и, попросив смиренного прощения у Тории, отозвал молодого человека в сторону. Яростно жестикулируя, он увлекал юношу все дальше и дальше за угол – когда из двери таверны появился Солль.

На церемонное приветствие Эгерта Тория ответила вежливым, но прохладным кивком. Она не казалась смущенной или испуганной – глаза ее, по-прежнему чуть отрешенные, смотрели на Солля внимательно, бестрепетно, с терпеливым вопросом.

– А вы коварная, – сказал Эгерт с горьким упреком. – Вы ведь обещали... Я ждал продолжения рассказа, а вы даже ни разу не спустились!

Она вздохнула:

– Признайтесь... Вам ведь ни капельки не интересно.

– Мне?! – возмутился Солль.

Тория оглянулась в поисках жениха; поймав этот чуть напряженный взгляд, Эгерт нахмурился и быстро проговорил вполголоса:

– Зачем ваше затворничество? Неужели вы готовите себя к роли смиренной женушки, да еще при тиране-муженьке? Что страшного в беседе, в прогулке... В совместном обеде, в катании на лодке? Разве я чем-нибудь оскорбил вас? Разве вы принадлежите кому-то, кроме самой себя?

Она отвернулась, Эгерт залюбовался ее профилем.

– Вы... так настойчивы, – сказала она с укоризной.

– А что прикажете делать? – искренне удивился Солль. – В моем городе гостит прекраснейшая женщина мира...

– Спасибо... У вас своеобразные представления о гостеприимстве... Но мне придется вас оставить, – и Тория сделала шаг в направлении, куда словоохотливый Карвер увлек студента. Тогда Солль возмутился:

– Вы станете бегать за женщиной? Вы?!

Тория, вспыхнув, сделала еще шаг; Эгерт преградил ей путь:

– Драгоценный камень, выбравший своей оправой подгнившее дерево... Да имейте же глаза! Вы рождены повелевать, а...

Из-за угла вырвался студент; он был красен и растрепан, будто дрался врукопашную, и, похоже, что-то подобное и происходило на самом деле между ним и Карвером, который, выскочив следом, крикнул на всю улицу:

– Сударь, вы еще не женились, а уже разыгрываете рога носца! Если женщина захочет поговорить на улице с приятным ей человеком – это еще не повод для истерики!

Какие-то мастеровые, проходившие мимо, рассмеялись. Седой постоялец, который как раз выходил из дверей гостиницы, медленно обернулся; на крыльцо «Верного щита» выбрались лейтенант Дрон и вечно хмурый Лаган.

Студент из красного сделался лиловым, обернулся к Карверу, будто собираясь ударить его – но, передумав, поспешил к растерянной Тории. Крепко взял ее под руку:

– Пойдем...

Путь к отступлению, однако, уже перекрыт был Соллем. Заглянув Тории прямо в глаза, он мягко спросил:

– Вы безропотно позволите этому... существу увести вас в ту серую тусклую жизнь, которую оно вам готовит?

Карвер все кричал издали:

– А рога, сударь, вы еще успеете примерить! Не пройдет и недели после счастливой свадьбы, как они украсят ваш ученый лоб!

Студента начало мелко трясти – этой дрожи не могла сдержать даже рука Тории, мертвой хваткой вцепившаяся ему в запястье:

– Господин Солль, позвольте пройти...

– В случаях, когда мужчина выхватывает шпагу, вы, сударь, будете бодаться! – продолжал Карвер. – Это даст вам некоторое преимущество...

Студент, как слепой, кинулся вперед – прямо на Солля; железная грудь Эгерта тут же отбросила его на прежнюю позицию.

– Как называется этот боевой прием, господин студент? – поинтересовался Карвер. – Скакалки-бодалки? Его разучивают в университете?

– Господин Солль, – тихо сказала Тория, глядя Эгерту прямо в глаза. – А мне показалось, что вы благородный человек.

За свою не столь длинную жизнь Эгерт успел в достаточной мере изучить женщин; он видел множество кокеток, чье «прочь» означало «приди, любимый», а «подлый негодяй!» – «мы обязательно обсудим это позже». Замужние женщины в присутствии супруга демонстрировали ему свою холодность, чтобы, оставшись потом наедине, кидаться на шею. Эгерт знал и умел читать оттенки – и в глазах Тории он прочитал не только полную безучастность к блеску собственной мужественности, но и бешеной силы неприятие, отторжение.

Лейтенанта Эгерта Солля задело за живое. На глазах почти целого полка, засевшего в «Верном щите», ему, не знавшего дотоле поражений, предпочли студента, почти скопца, не носящего оружия...

Нехотя отступая в сторону, он процедил сквозь зубы:

– Что ж... Поздравляю... Синий чулок в объятьях книжного червя – прекрасная пара!.. А может быть, ученый супруг – только ширма, за которой укроется пара-тройка любовников?

Из окон гостиницы, привлеченные шумом, выглядывали горничные и постояльцы.

Студент выпустил руку Тории; не замечая ее умоляющего взгляда, изо всех сил провел пыльным носком башмака глубокую черту перед ботфортами Солля – традиционный вызов на дуэль.

Солль снисходительно рассмеялся:

– Что?! Я не дерусь с бабами, у вас ведь, сударь, и оружия-то нет!

Нешироко размахнувшись, студент коротко и звонко ударил Солля по лицу.

Возбужденная толпа – гварды, постояльцы гостиницы, горничные, слуги и случайные прохожие – заполнила задний двор «Благородного меча»; Карвер лез вон из собственной кожи, спеша очистить посредине пространство для поединка.

Какая-то добрая душа ссудила студенту шпагу – но в его руках даже вполне пристойный клинок выглядел нелепо, как рыцарские латы в бакалейной лавке. Его невеста, казалось, готова была потерять самообладание – впервые за время, что Эгерт знал ее. Щеки Тории, белые, как скатерть, покрылись неровными пятнами, и этот рваный узор скрадывал ее красоту; кусая губы, она кидалась ко всем поочередно:

– Прекратите, вы! Светлое небо, Динар... Да остановите же их, кто-нибудь!

Останавливать честно объявленную дуэль было противозаконно и глупо – любой житель Каваррена знал это с пеленок. На Торию поглядывали с сочувствием и любопытством; многие женщины втихомолку завидовали ей – еще бы, стать причиной поединка!

Какая-то горничная решила по доброте душевной утешить бедняжку; отшвырнув ее руки, Тория, отчаявшаяся и потерявшая власть над своим Динаром, сделала попытку уйти – но тут же вернулась, будто на привязи. Перед ней расступались, вежливо давая дорогу, безмолвно

признавая ее право видеть все подробности поединка; Тория привалилась к рессоре какой-то кареты и так и осталась стоять, будто охваченная столбняком.

Противники уже изготовились, замерев друг перед другом – вернее, враг перед врагом. Солль насмешливо скалился – не вышло любви, так хоть дуэль! Правда, соперник-то вовсе никчемный – вон как пыхтит, пытаюсь встать в позицию, видно, все же брал когда-то уроки фехтования...

Эгерт пробежал глазами по лицам, разыскивая Торию – видит ли? Поймет ли наконец, что струйку из рукомошника предпочла гремящему водопаду? Раскается ли?

Вместо Тории Солль встретился глазами с пожилым постояльцем – тем самым, седым, чья голова возвышалась над толпой, как корабельная сосна над фруктовым садом. Взгляд постояльца, пристальный, но будто ничего не выражающий, отчего-то не понравился Соллю; он тряхнул головой и замахнулся на студента шпагой, как строгий учитель розгой:

– А-та-та!

Студент невольно отшатнулся – в толпе засмеялись:

– Выпори его, Солль!

Эгерт оскалился шире:

– Всего лишь небольшой урок хороших манер...

Студент сузил глаза, согнул колени, как в фехтовальном зале, и отчаянно кинулся вперед, будто намереваясь изрубить Солля в капусту; через секунду он удивленно оглядывался в поисках противника, пока тот, возникший у него за спиной, не напомнил о себе деликатным уколом ниже спины:

– Не отвлекайтесь...

Студент обернулся, как ужаленный – Солль вежливо поклонился и отступил на шаг:

– Не все потеряно, юноша! Соберитесь с силами и попробуйте еще... Урок только начинается!

Студент снова стал в стойку – острие его шпаги смотрело не в глаза противнику, как подобает, а в небо; неуклюжий выпад, удар шпаги Эгерта – и клинок студента ткнулся острием в песок, а сам он едва удержал рукоятку. Зрители зааплодировали; Соллю, впрочем, уже почти надоела эта игра – он мог бы фехтовать сто часов без передышки, если бы безнадежно слабый соперник на навевал скуку.

Эгерт знал семнадцать защит и двадцать семь приемов нападения – весь интерес заключался в том, как эти приемы соединить, сложить в мозаику, нанизать на шпагу, потом рассыпать, перемешать и собрать заново. Многие из своих импровизаций Эгерт не мог бы потом повторить – они рождались вдохновенно, как стихи, и увенчивались обычно чьей-то раной, а то и смертью... Увы – имея перед собой студента, даже со шпагой, Эгерт вполне мог ограничиться ровно одним приемом – простым и вульгарным, как копченая сельдь.

Уворачиваясь из-под неловких атак, небрежно отбивая сильные, но неточные удары, Солль вертел головой в поисках Тории; увидев в толпе ее бледное, почти безучастное лицо, он и сам предпринял атаку – и студент не успел даже сообразить, что происходит. Солль эффектно задержал острие у самой его груди; публика восторженно завопила, только высокий седой постоялец хранил бесстрашие.

Так повторялось вновь и вновь – студент мог умереть уже раз десять, но господин Солль тянул удовольствие, играя с юношей, как кошка с мышонком. Тот метался, размахивая шпагой; камушки разлетались из-под пыльных башмаков, а враг был, как тень – неотлучен и недосягаем, и ни на секунду не умолкал нарочито менторский, ядовитый голос:

– Так? А-а, вот так... Что вы вертите, как уж на сковородке? Повторить... Еще повторить... Э-э, да вы ленивый, нерадивый ученик, вас надо наказывать... Р-раз!

После каждого «р-раз» следовал несильный укол – куртка студента, разорванная в нескольких местах, висела лохмотьями, пот заливал перекошенное лицо.

Когда противники вновь встали друг против друга, студент выглядел измученным и растерянным; Солль даже не запыхался. Глядя в несчастные, полные бессильной ненависти глаза противника, Эгерт ощущал свою полную власть – ленивую, неспешную власть, которой даже и пользоваться не стоит – только обладать.

– Страшно? – спросил он шепотом и тут же прочитал в глазах ответ – да, страшно, это страх перед ним, Эгертом, чья шпага, подобно змеиному жалю, направлена бедняге в грудь... Противник беззащитен перед Соллем, он уже не противник, а жертва, и ярость уступает место тоске, и впору просить о помиловании – только вот гордость не велит...

– Пощадить тебя? – Эгерт улыбнулся краем рта. Он ощущал страх студента всей кожей, и чувство это сладко щекотало нервы – тем более, что в глубине души Солль давно уже решил не наказывать парня слишком строго.

– Пощадить? А?

Тоска и страх толкнули студента на новую безнадежную атаку, и надо же было случиться, чтобы ботфорт Солля, угодив в оставленную дождем лужицу, потерял твердую связь с землей. Ноги великолепного Эгерта разъехались, как копытца новорожденного теленка, Солль едва удержал равновесие – и шпага студента, задев плечо гварда, срезала эполет. Гордый воинский атрибут повис на одной нитке, подобно дохлomu пауку, а толпа – проклятая толпа, она всегда на стороне победителя! – разразилась радостными воплями:

– А-а, Солль, получил!

– Держи-держи, отвалится!

– Bravo, студент! Прочти! Всыпь!

Гвардов, замеченных в подлости и трусости, изобличенных в предательстве, изгоняли из полка, предавая перед этим позорной казни – публично срезая с плеча эполет. Сам того не ведая, студент нанес Эгерту тяжкое оскорбление; Солль видел, как переглядывались, усмехались, перешептывались его товарищи – ай-яй-яй...

Дальше все произошло мгновенно, на одном вдохе.

Не помня себя от ярости, Эгерт кинулся вперед; студент, нелепо вскинув шпагу, шагнул ему навстречу – и замер, не сводя с гварда удивленных глаз. Острие фамильной шпаги Соллей показалось у него из спины – не блестящее, как обычно, а темно-красное, почти черное. Постояв секунду, студент сел – неуклюже, так, как и сражался. Стало тихо – слепец решил бы, что на заднем дворе трактира нету ни души. Студент тяжело опустился на истоптанный песок, и невероятно длинный Соллев клинок выскользнул, как змея, у него из груди.

– Напоролся, – громко сказал лейтенант Дрон.

Эгерт стоял, опустив окровавленную шпагу, и тупо смотрел на распростертое перед ним тело; толпа зашевелилась, пропуская Торию.

Она шла осторожно, словно по проволоке; не замечая Солля, приблизилась к лежащему юноше – на цыпочках, будто боясь разбудить:

– Динар?

Молодой человек не отвечал.

– Динар?!

Толпа расходилась, пряча глаза. Из-под темной куртки лежащего расплзлось бурое пятно; вполголоса причитал хозяин гостиницы:

– Вот они, поединки-то... Известно, кровь молодая, горячая... Мне-то что теперь... Что мне теперь, а?

Солль сплюнул, чтобы избавиться от металлического привкуса во рту. Светлое небо, до чего глупо все вышло!

– Динар?! – Тория просительно заглядывала лежащему в лицо.

Дворик пустел; уходя, высокий седой постоялец бросил в сторону Солля внимательный, с непонятым выражением взгляд.

Студента похоронили на деньги города – поспешно, однако вполне достойно. Город был обеспечен сплетнями на целую неделю; Тория обратилась с жалобой к бургомистру, и тот принял ее – но только для того, чтобы выразить соболезнование и развести руками: дуэль происходила по всем правилам, и, хоть безумно жаль погибшего юношу – но разве не сам он вызвал господина Солля на поединок? Увы, дорогая госпожа, сей прискорбный случай никак нельзя назвать убийством; господин Солль неподсуден – он дрался на поле чести и, в свою очередь, тоже мог быть убит... А если покойный господин студент не носил оружия и не владел им – так это несчастье господина студента, но никак не вина лейтенанта Солля...

Со дня поединка прошло четыре дня, три дня прошло после похорон. Серым ранним утром Тория покидала город.

Неделя пребывания в Каваррене положила на ее лицо черные траурные тени. Котомка студента оттягивала руку, когда она сама, без посторонней помощи, брела к ожидающему у входа экипажу; глаза, угасшие, окруженные темными кольцами, смотрели в землю – и потому она не сразу узнала человека, любезно откинувшего подножку кареты.

Чьи-то руки помогли ей забросить котомку на сиденье; механически поблагодарив, Тория подняла глаза и лицом к лицу встретилась с Эгертом Соллем.

Эгерт давно караулил невесту убитого им студента – сам до конца не зная, зачем. Возможно, ему хотелось извиниться и выразить сочувствие – но вероятнее, что навстречу Тории его толкала некая смутная надежда. Сам обожающий риск и опасность, он привык легко относиться к смерти, своей и чужой; что же может быть естественнее – разве победитель не вправе рассчитывать на долю наследства, оставленного побежденным?

И Тория встретилась с Эгертом глазами.

Он готов был к проявлениям гнева, отчаяния, ненависти; он заготовил подобающие случаю слова, он собирался даже снести пощечину от ее руки – но то, что он увидел в по-прежнему прекрасных, хоть и убитых горем глазах Тории, отбросило его прочь, как удар пудового кулака.

Девушка смотрела на Солля с омерзением, холодным, гадливым, лишенным злобы – и от этого особенно страшным. В ней не было ненависти – но казалось, что ее сейчас стошнит.

Эгерт сам не помнил, как ушел – или убежал – прочь, долой с глаз, чтобы никогда больше не видеть, не встречаться, не вспоминать...

А спустя еще день он сидел в «Верном щите» – мрачный, подавленный и злой. Карвер вертелся рядом, весело болтая попеременно о вепрях и о женщинах – традиционные кабаньи бои не за горами, будет ли отец выставлять Красавца, Мясника и молодого Боя? Кстати, о Солле спрашивала прекрасная Дилия, жена капитана, а пренебрегать ею просто опасно – отомстит... И с какой стати Солль, ставший в городе главным событием недели, отравляет унынием светлые дни такой неповторимой жизни?!

Солль чутьем улавливал в голосе приятеля некоторое приятное возбуждение; похоже, в глубине души Карвер радовался сознанию, что, победив на поле боя, великолепный Эгерт потерпел поражение на поле любви и сравнялся тем самым с прочими смертными. Возможно, рассуждая таким образом Солль возводил на Карвера напраслину – так или иначе, но болтовня друга утомляла Эгерта. Ногтем указательного пальца он вырезал борозды на потемневшей столешнице – да, он был во всем согласен с Карвером, только пусть, ради неба, заткнется на минутку и даст своему лейтенанту возможность спокойно допить кубок...

В эту минуту дверь открылась, запуская в душный трактир струю прохладного воздуха и солнечный луч; новоприбывший постоял на пороге и, будто убедившись в том, что попал по адресу, вошел.

Солль узнал его – это был странный седой человек, живший в «Благородном мече» вот уже дней десять. Пройдя мимо гвардов, он отодвинул стул от пустующего неподалеку стола и тяжело опустился на сиденье.

Не ведая, зачем, Эгерт наблюдал за ним краем глаза; в тусклом свете, наполнявшем трактир, ему впервые удалось рассмотреть лицо незнакомца.

Возраст седого постояльца невозможно было определить – не то сорок лет, не то девяносто; две очень глубокие вертикальные морщины прорезывали его щеки и терялись в уголках запекшихся губ. Тонкий, длинный, обтянутый желтой кожей нос то и дело поводил крыльями, будто собираясь взлететь; глаза, прозрачные, широко расставленные, казались совершенно безразличными к окружающему миру. Приглядевшись, Эгерт увидел, как мелко подергивается большое кожистое веко, лишенное ресниц.

Сам хозяин поднес незнакомцу кубок с вином и собрался удалиться, когда тот неожиданно остановил его:

– Минутку, милейший... Мне, видите ли, не с кем пить. Понимаю, что вы при деле – ну так просто составьте компанию... Я хочу выпить за славных гвардов – истребителей тех, кто беззащитен.

Хозяин дернулся – он прекрасно понял, в чей адрес направлен тост. Пробормотав под нос извинения, добряк поспешил сбежать – и вовремя, потому что Эгерт тоже расслышал предназначенные ему слова.

Неспешно поставив свой кубок на стол, он наконец глянул незнакомцу прямо в глаза – по-прежнему спокойные, даже безучастные, будто роковую фразу сказал кто-то другой.

– За кого же вы пьете, драгоценнейший господин? Кого это вы обозвали...

– Вас, – уронил незнакомец бестрепетно. – Вас, Солль, вы правильно побледнели...

– Я – побледнел?!

Эгерт встал. Он был во хмелю – но далеко не пьян.

– Что ж... – процедил он сквозь зубы. – Боюсь, что завтра кому-нибудь придет охота обозвать меня истребителем немощных старцев...

Лицо незнакомца странно изменилось – Эгерт понял, что тот улыбается:

– Человек сам выбирает, кем быть, кем слыть... Почему бы вам не заколоть шпагой, скажем, женщину? Или десятилетнего ребенка? Возможно, они будут сопротивляться удачнее, нежели это удалось вашей последней жертве...

Эгерт лишился дара речи; потерянный, обернулся к Карверу – тот, обычно острый на язык, теперь почему-то притих. Немногочисленные посетители трактира, хозяин в дверях кухни, маленький сопливый поваренок – все затаились, будто ощущая, что происходит нечто исключительное.

– Чего вы от меня хотите? – выдавил Солль, с ненавистью вглядываясь в большие прозрачные глаза. – Кто вы такой, чтобы напрашиваться ко мне на шпагу?

Незнакомец по-прежнему улыбался – одним длинным сухим ртом, глаза оставались холодными:

– У меня ведь тоже есть шпага... Я думал, вы предпочитаете тех, кто вовсе не носит оружия, а, Солль?

Эгерт через силу заставил себя разжать стиснутые на эфесе пальцы.

– Любите легкие жертвы? – проникновенно спросил вдруг незнакомец. – Жертвы, источающие страх... Сладкое чувство власти... А, Солль?

– Он сумасшедший, – тихо, как-то растерянно сказал за спиной Карвер. – Эгерт, пошли, а?

Солль перевел дыхание – слова незнакомца задели его глубоко, болезненно, гораздо сильнее, чем ему хотелось бы.

– Ваше счастье, – проговорил он с трудом, – что вы, очевидно, годитесь мне в деды... А я не дерусь со стариками, ясно?

– Ясно, – незнакомец снова поднял кубок и объявил, обращаясь к Эгерту, к Карверу, ко всем, кто, затаив дыхание, слушал их разговор: – Я пью за лейтенанта Солля, воплощенного труса под маской отваги!

Выпить ему, впрочем, не удалось, потому что шпага Эгерта, мгновенно вылетевшая из ножен, вышибла кубок из его рук. Звякнув, серебряная чаша ударилась о каменный пол, немного прокатилась и замерла в темно-красной луже расплескавшегося вина.

– Прекрасно, – незнакомец удовлетворенно оттирал мокрые пальцы салфеткой, огромные ноздри его раздувались. – Хватит ли у вас смелости сделать следующий шаг?

Солль опустил шпагу; кончик ее проскрежетал по камням, проводя у ног незнакомца кривую черту.

– Хорошо, – седой постоялец «Благородного меча» был доволен, хотя взгляд его по-прежнему оставался вполне равнодушным. – Только я ведь не дерусь в трактирах... Место и время?

– У моста за городскими воротами, – через силу выдавил Эгерт. – Завтра на рассвете.

Незнакомец вытащил кошелек, извлек из него монету и положил на стол рядом с запятанной вином салфеткой. Кивнул хозяину и направился к двери; Эгерт успел бросить ему в спину:

– Кто будет вашим свидетелем?

Постоялец «Благородного меча» остановился в дверях. Уронил через плечо:

– Мое дело не требует секундантов... Возьмите кого-нибудь для себя.

Пригнув голову под притолокой, незнакомец вышел. Захлопнулась тяжелая дверь.

У моста за городскими воротами назначалась добрая половина всех происходящих в Каваррене поединков. Выбор себя оправдывал – отойдя от дороги всего на несколько шагов, дуэлянты оказывались в глухом безлюдном месте, прикрытом к тому же от дороги стеной старых елей; впрочем, в ранний дуэльный час дорога и мост были до того пустынными, что казались давно брошенными.

Противники сошлись у моста почти одновременно – Эгерт чуть опередил неспешно бредущего седого незнакомца и, ожидая его, несколько минут смотрел на темную воду.

Мутная весенняя река несла на своей спине разбухшие щепки, обрывки водорослей, безжизненные лоскутки прошлогодних листьев; кое-где у камней вертелись водовороты, и Эгерту нравилось заглядывать в самую глубь их черных воронок – это напоминало ему о пьянящем чувстве опасности. Перила моста совсем подгнили – Солль навалился на них всем телом, будто испытывая судьбу.

Противник его наконец-то взошел на мост – Эгерту показалось, что он сильно запыхался. Теперь незнакомец казался по-настоящему старым – много старше Эгертового отца, и Солль заколебался было – а честной ли будет дуэль, но встретившись взглядом с холодными и прозрачными, как лед, глазами, тотчас же позабыл эту мысль.

– Где же ваш друг? – спросил незнакомец.

Эгерт строго-настрого запретил Карверу сопровождать себя: если противник пренебрегает правилами и отказывается от секунданта, то с какой стати он, Солль, должен поступать иначе?

– А вдруг я приберег для вас нечестный прием? – снова спросил седой, не спуская с Эгерта глаз.

Эгерт усмехнулся. Он мог бы сказать, как мало боится настырных стариков и их нечестных приемов, как низко ценит пустую болтовню и сколько видывал на своем веку побежденных противников – но промолчал, удовольствовавшись только красноречивой усмешкой.

Не произнеся больше ни слова, дуэлянты сошли с дороги; Солль шагал впереди, беспечно подставив противнику спину – тем самым он желал пристыдить незнакомца, продемонстрировав ему полное небрежение его возможным коварством. Миновали ельник и вышли на круглую, как арена, полянку, утрамбованную сапогами нескольких поколений каварренских поединщиков.

От реки тянуло сыростью; снимая мундир с накрепко пришитым эполетом, Эгерт с тоской подумал, что весна в этом году на редкость холодная и затяжная и что намеченный на послезавтра пикник придется, пожалуй, отложить до лучших дней. Роса пригибала к земле травы и крупными каплями скатывалась по стволам – казалось, что деревья кого-то оплакивают; отличной выделки ботфорты Эгерта тоже покрылись шариками капель.

Противники встали друг против друга; Солль с удивлением понял, что впервые за всю свою дуэльную практику имеет дело с соперником, о котором равным счетом ничего не известно. Впрочем, это ни в коей мере не смутило Эгерта – все, что нужно, он рассчитывал узнать прямо сейчас.

Оба обнажили шпаги – Эгерт лениво, его противник спокойно и равнодушно, как все, что он делал. Незнакомец не спешил нападать – просто стоял и смотрел Эгерту в глаза, и острие его шпаги тоже смотрело Эгерту в глаза, пристально, серьезно – и уже по тому, как незнакомец стоял в позиции, Солль понял, что на этот раз ему пригодятся все семнадцать защит.

Желая испытать противника, он предпринял пробную атаку, которая и была неспешно отбита. Эгерт попробовал еще – так же неспешно незнакомец отразил довольно хитрый удар, завершающий короткую, только что придуманную Соллем комбинацию.

– Поздравляю, – пробормотал Эгерт, – для своих лет вы очень неплохо... – новая его комбинация была коварно задумана и виртуозно исполнена, однако седой незнакомец так же бесстрастно парировал всю серию.

Эгерт не без удовольствия осознал, что противник достоин внимания и победа будет нелегкой – но тем более почетной. В глубине души он горько пожалел, что вокруг нет зрителей и некому оценить его блестящие импровизации – но в этот момент в атаку пошел незнакомец.

Солль еле успел увернуться; все его семнадцать защит заметались, беспомощно сменяя друг друга. Удары ложились один на другой – неожиданные, коварные, безжалостно сильные, и бешено сопротивляющийся Эгерт не раз видел сталь у самого своего лица.

Потом так же внезапно все кончилось – незнакомец отступил на шаг, будто желая получше рассмотреть Эгерта с головы до ног.

Солль тяжело дышал; мокрые волосы прилипли к вискам, по спине стекали струйки пота, а рука, держащая шпагу, гудела, как медный колокол.

– Неплохо, – выдохнул он, глядя в прозрачные глаза, – что ж вы сразу не признались, что вы – учитель фехтования, вышедший на покой?

С этими словами он ринулся вперед, и, будь у этого поединка свидетели, они без колебаний подтвердили бы, что таких блистательных комбинаций рубака-Солль не выдавал еще никогда.

Он скакал, как кузнечик, нападая одновременно справа и слева, сверху и снизу, продумывая партию на двадцать ходов вперед, он был скор и безупречен технически, он находился в пике своей формы – и ни разу не добился успеха, хотя бы крошечного.

Все его удары попадали будто в каменную стену – наверное, нечто подобное ощущает теленок, впервые сразившийся с дубом. Ни одна из комбинаций не доведена была до конца – противник, будто зная мысли Солля наперед, выворачивал его затею наизнанку, переходил в контратаку – и Эгерт ощущал его клинок то у груди, то у живота, то у лица. Солль узнал, наконец, свою собственную игру со студентом – кошки-мышки; ясно было, что Эгерт вот уже добрый десяток раз мог быть убит – но зачем-то оставлен в живых.

– Интересно, – прохрипел он, отпрыгнув на два шага, – хотелось бы мне знать, кому вы продали душу... за ЭТО...

– Страшно? – спросил незнакомец. Это были его первые слова с начала поединка.

Эгерт смотрел на него – невиданной силой наделенного старика, равнодушного, с изрезанным морщинами лицом, с огромными холодными глазами без ресниц. Незнакомец даже не запыхался – дыхание его оставалось ровным, как и голос, как и взгляд:

– Страшно?

– Нет, – отозвался Эгерт презрительно, и светлое небо свидетелем, что это была чистой-шей правдой – даже перед лицом неминуемой, казалось, смерти Эгерт не испытывал перед ней трепета. Незнакомец понял это; губы его растянулись, как тогда, в трактире:

– Что ж...

Шпаги, зазвенев, скрестились; незнакомец сделал едва уловимое круговое движение клинком – и Эгерт болезненно вскрикнул, тут же решив, что ему вывернули кисть. Пальцы его разжались сами, и фамильная шпага, описав в сером небе дугу, бесславно шлепнулась на грудь прошлогодних листьев и утонула в них.

Прижимая пострадавшую руку к груди, Солль отступил, не сводя с противника глаз. Ему до смерти обидно было, что этим вот приемом немощный старец мог обезоружить его на первой же минуте поединка, и что сам поединок, выходит, был всего лишь фарсом, игрой, поддачками...

Незнакомец смотрел на него и молчал.

– Так и будем стоять? – поинтересовался Солль, оскорбленный, но не испуганный. – Что дальше?

Незнакомец молчал, и Эгерт понял, что его собственные храбрость и презрение к смерти – тоже оружие, которым он сможет унизить своего победителя.

– Ну, убей, – он усмехнулся, – что ты еще можешь со мной сделать? Я не жалкий студент, чтобы дрожать перед лицом смерти; хочешь увериться в этом? Ударь!

В лице незнакомца что-то изменилось, он шагнул вперед – и Эгерт с удивлением понял, что тот действительно хочет ударить.

Убивать безоружного было в глазах Солля величайшей подлостью – он усмехнулся так презрительно, как только мог. Победитель его поднял клинок – не отводя взгляда, Солль беспретпетно смотрел на обнаженное лезвие у самого своего лица:

– Ну?

Незнакомец ударил.

Солль, так и не зажмуривший глаз, видел, как стальное лезвие будто размазалось в воздухе, подобно блестящему вееру; он ожидал удара и смерти – но вместо этого ощутил резкую боль в щеке.

Ничего еще не понимая, он поднял руку к лицу – по подбородку катились теплые капли. Манжеты рубашки тут же запянулись кровью; мимоходом Эгерт успел порадоваться, что снял мундир и сберег его от порчи.

Он поднял глаза на незнакомца – и увидел его спину. На ходу пряча шпагу в ножны, тот все так же неторопливо брел прочь.

– Эй, – крикнул Эгерт, дурачась, – вы все сказали, почтенный?

Но седой постоялец «Благородного меча» не оглянулся. Так и ушел, не обернувшись не разу.

Прижав к щеке платок, подобрав фамильную шпагу и накинув на плечи мундир, Эгерт от души порадовался, что явился на дуэль без Карвера. Поражение есть поражение – даже если седой незнакомец был на самом деле покровителем воинов Харсом... Впрочем, нет. Покровитель воинов ценит обычаи, он не стал бы заканчивать дуэль таким странным и глупым образом...

Добравшись до берега, Эгерт встал на четвереньки и поглядел в темное, то и дело подергивающееся рябью зеркало. На щеке у Эгерта Солля, отраженного в воде, темнела длинная глубокая царапина – от скулы до самого подбородка. При виде ее отражение скептически поджало губы; несколько красных теплых капель упали и растворились в холодной воде.

2

Возвращаясь в город, Эгерт очень не хотел встречаться ни с кем из знакомцев; может быть, именно поэтому на первом же перекрестке ему случился Карвер – крайне возбужденный:

– Старик вернулся в гостиницу невредимый, как полная луна... Я уж подумал... А что это у тебя с лицом?

– Киска поцарапала, – процедил Эгерт сквозь зубы.

– А-а... – протянул Карвер сочувственно. – Я уж подумал, не сходить ли к мосту...

– И присыпать землей мое остывшее тело? – Эгерту расхотелось сдерживать раздражение; глубокая царапина на щеке перестала кровоточить, но горела так, будто к лицу приложили раскаленный прут.

– Ну... – протянул Карвер неопределенно и тут же добавил, понизив голос: – А старик-то уехал, сразу же уехал... У него и конь уже стоял под седлом...

Эгерт плюнул:

– Мне-то что?! Одним сумасшедшим в городе меньше...

– Я тебе сразу сказал, – Карвер рассудительно покачал головой, – безумцев, знаешь ли, по глазам видать... У этого глаза совсем ненормальные, ты заметил?

Видно было, что Карвер очень не прочь порассуждать о безумцах вообще и о незнакомце в частности. Конечно, ему хотелось быть посвященным в подробности поединка, и следующей фразой обязательно было бы приглашение в трактир – но на этот раз Карвера ожидало горькое разочарование. Никким образом не утолив его любопытства, Эгерт тут же сухо распрощался.

Герб Соллей на окованных железом воротах был призван вызывать гордость у друзей и страх у врагов – изображенное на нем воинственное животное не имело названия, зато снабжено было раздвоенным языком, стальными челюстями и двумя мечами в когтистых лапах.

С трудом переставляя ноги, Эгерт поднялся на высокий порог; У входа его встретил слуга, готовый принять из рук молодого господина плащ и шляпу – но в то несчастливое утро у Эгерта не было ни того, ни другого, поэтому молодой господин попросту кивнул в ответ на глубокий почтительный поклон.

Комнату Эгерта, как почти все помещения в доме Соллей, украшали гобелены с изображенными на них породами бойцовых вепрей. На маленькой книжной полке скучали несколько сентиментальных романов вперемешку с пособиями по охоте; ни те, ни другие Эгерт никогда не открывал. В простенке между двумя узкими окнами помещался портрет – мать Эгерта, молодая и прекрасная, с кудрявым и белокурым мальчуганом, прислонившимся к ее коленям. Художник, лет пятнадцать назад выполнявший заказ Солля-старшего, оказался прямо-таки медовым льстецом – мать была красива чрезмерной, не своей красотой, а мальчик попросту воплощал добродетель. Слишком голубые глаза, слишком трогательные пухлые щечки, ямочка на подбородке – сие дивное дитя вот-вот взлетит и растворится в эфире...

Эгерт приблизился к зеркалу, стоящему на столе около кровати. Глаза его не казались сейчас голубыми – они были серыми, как пасмурное небо; Солль через силу растянул губы – ямочки как не бывало, зато змеилась через щеку рана – длинная, жгучая, кровоточащая.

На зов явилась старуха-управительница, давняя поверенная во всех происходящих в доме делах. Поохала, пожевала губами, принесла баночку с мазью, заживляющей раны; боль

поутихла. С помощью слуги Эгерт стянул ботфорты, бросил ему мундир и, обессиленный, повалился в кресло. Его знобило.

Подшло время обеда – Эгерт не спустился в столовую, передав матери, что пообедал в трактире. Он и правда хотел пойти в трактир, жалея уже, что не остался выпивать в компании Карвера; он даже встал, собираясь выйти – но помедлил и снова сел.

Временами у него начинала кружиться голова; тогда белокурый мальчик на портрете, дивный мальчик с чистыми, не тронутыми шпагой щеками качал головой и многозначительно улыбался.

Приближался вечер; наступил тот самый сумеречный час, когда день уже умирает, а ночь еще не родилась. За окном гасло небо; из углов выползли тени, и комната преобразилась. Разглядывая еще различимые кабаньи морды на гобеленах, Эгерт ощутил слабое, неясное беспокойство.

Он настороженно прислушивался к этому неудобному, неуютному, тягучему чувству; это было будто бы ожидание – ожидание чего-то, не имеющего формы и названия, смутного, но неизбежного. Скалились кабаны и улыбался белокурый мальчик у колен матери, грузно колыхался край полога над кроватью; Эгерту стало вдруг холодно в теплом кресле.

Он встал, пытаясь избавиться от нехорошего, неопределенного беспокойства; хотел позвать кого-нибудь – и одумался. Уселся снова, мучительно пытаясь определить, что же и откуда ему угрожает; вскочил, чтобы спуститься в гостиную – и тут, на его счастье, слуга принес зажженные свечи. На стол был водружен старинный многорукий канделябр, комната ярко осветилась, сумерки сменились теперь уже вечером – и Солль сразу же позабыл о странном чувстве, навесившем его на стыке дня и темноты.

Той ночью он спал без сновидений.

Миновала еще неделя; город благополучно позабыл трагическое событие, связанное с именем Солля, и только собственная мать Эгерта не стала от этого ни веселее, ни разговорчивее. На могиле студента подрастала трава, на берегу Кавы оборудовалась новая арена для кабаньих боев, а капитан гвардов, он же муж прекрасной Дилии, объявил на построении о приближающихся учениях, высокопарно именуемых маневрами.

Маневры назначались каждый год и призваны были напомнить господам гвардам, что они не просто сборище гуляк и дуэлянтов, а воинское формирование. Эгерт Солль любил учения, где так естественно хвастать доблестью, и всегда радовался их приближению.

На этот раз он не обрадовался.

Рана на щеке к тому времени затянулась и почти не болела; слуга приноровился брить Солля с особой осторожностью – растительность на щеках и подбородке считалась несовместимыми с аристократическим происхождением, поэтому Эгерту ни на секунду не приходила мысль прикрыть отметину бородой. Окружающие понемногу привыкали к его новому облику, да и сам он думать забыл о ране – но с каждым новым днем странное беспокойство, поселившееся в его душе, все увереннее разрасталось, оборачиваясь смятением.

Днем он чувствовал себя сносно – но стоило сгуститься темноте, как безотчетная, из черных щелей выползающая тревога гнала его домой, и по приказу молодого хозяина слуга сносил в его комнату чуть не все свечи в доме. И хоть комната Эгерта сияла огнями, как бальный зал, ему все равно временами мерещилось, что вопри на гобеленах поводят налитыми кровью глазами.

Однажды вечером он нашел средство борьбы со странной болезнью – велел слуге раньше времени приготовить постель и лег. Уснуть удалось не сразу, но Эгерт упорно не открывал зажмуренных глаз; наконец, он соскользнул в дрему, а потом и в сон.

Светлое небо, лучше бы ему всю ночь простоять в карауле.

В глухой предутренний час ему приснился сон. Ему и раньше являлись сны, простые, обыденные, более или менее приятные – женщины, лошади, знакомые, тараканы... Проснувшись, он забывал свой сон раньше, нежели успевал осознать, что именно снилось; на этот раз он вскочил среди ночи, мокрый, в облепившей тело сорочке, трясущийся, как щенок под ливнем.

Вероятно, это забытые рассказы о нашествии Черного Мора явились из отдаленных уголков памяти, невесть где услышанные рассказы стариков, байки, над которыми он посмеивался еще подростком... Во сне он увидел, как на крыльцо его дома поднимается странное существо в просмоленном балахоне, и лицо обмотано черными от смолы тряпками. В руках у пришельца орудие, напоминающее вилы с очень длинными, загнутыми прутьями – будто огромная, сведенная судорогой птичья лапа. Дом пуст, пришелец поднимается в гостиную – там откинута крышка клавесина, свечи прогорели, и мать Эгерта сидит, положив руки на клавиши... Желтые, сухие, мертвые руки... Пришелец поднимает грабли – и мать валится на бок, как деревянная фигурка... Облитый смолой человек сгребает своим орудием мертвое тело – так садовник сгребает прошлогодние листья...

Эгерт больше ни секунды не мог оставаться в темноте – не вспоминать сон, забыть, забыть!.. Засветил свечу, потом, обжигаясь – другую; из темноты явился портрет – белокурый мальчик у ног женщины. Эгерт на секунду замер, вглядываясь в лицо своей молодой матери, будто прося защиты, как в детстве... Где-то пел сверчок, за окном стояла глухая ночь, Эгерт прижал подсвечник к груди и шагнул к портрету, ближе – и в это самое мгновение лицо женщины на портрете исказилось страшной злобой, посинело, оскалилось...

С криком он проснулся второй раз – уже наяву. За окнами была все та же ночь, густая, душная, липкая.

Трясущимися руками он снова засветил свечи; шлепая босыми ногами, заметался по комнате из угла в угол, изо всех сил обхватив руками вздрагивающие плечи. Вдруг это снова сон? Вдруг до окончания века он обречен теперь жить в кошмарном сне, и просыпаться, чтобы один кошмар сменялся другим? Что будет завтра? Что приснится завтра?

Рассвет застал его в кресле – скорчившегося, осунувшегося, дрожащего.

Через несколько дней ему выпало дежурство в ночном патруле. Он обрадовался – со времени памятного сна самый вид постели был ему неприятен. Уж лучше провести ночь в седле, с оружием в руках, нежели снова бороться с предательским желанием оставить светильник гореть до утра!

Дежурили впятером – Эгерт, чье лейтенантство делало его начальником патруля, Карвер, Лаган и еще двое совсем молодых, лет по шестнадцать, гуардов.

Патруль был необходимой частью ночной жизни Каваррена – любой лавочник заявлял не без гордости, что спит спокойно, когда слышит под окнами перестук копыт и голоса караульных. До настоящего дела доходило редко – то ли в Каваррене было недостаточно ночных разбойников, то ли разбойничали они на тихую, то ли попросту опасались – господа гуарды не шутят...

Получив, как обычно, напутствие от капитана, господа гуарды выехали – Эгерт с Карвером впереди, за ними Лаган и юные Оль с Бонифором. Покружив по улочкам вокруг ратуши, двинулись к городским воротам; одно за другим гасли окна, отовсюду слышался скрежет задвигаемых засовов и лязг захлопывающихся ставен. Трактир у ворот не спал; кавалькада повертелась перед широкой дубовой дверью, раздумывая, не зайти ли на минутку проведать хозяйку, повелевающую славными Итой и Фетой. В конце концов долг взял верх над соблазном, и патруль уже собирался продолжать свой путь, когда из дверей трактира, пошатываясь, выбрался пьяный.

В темноте да во хмелю гуляка не имел ни рода, ни звания – не разобрать даже, аристократ ли, простолюдин... Весело гикнув, Карвер направил на него лошадь; разогнавшись чуть

не во весь опор, поднял скакуна на дыбы перед самым лицом обомлевшего пьяницы, не задев беднягу, но обдав его горячим конским дыханием и перепугав при этом до полусмерти. Гуарды засмеялись; издав странный сдавленный звук, пьяница сел на мостовую, а Карвер, довольный, вернулся в ряды товарищей, все поглядывая на Солля – когда-то именно Эгерт выучил приятеля этой шутке.

Двинулись дальше; город лежал во тьме, и только факелы в руках патрульных да редкие звезды в просветах среди туч кое-как освещали черные фасады спящих домов. Ехали молча; под копытами лошадей звякала мостовая, и Эгерт, которому неприятно было глядеть на пляску теней вдоль улицы, взялся смотреть вниз, на истертые камни.

Проплывающая внизу мостовая вдруг показалась ему рекой во время ледохода – булыжники беспорядочно толпились, перли друг на друга, вздымая острые края, будто ожидая жертвы. Похолодев, Эгерт понял вдруг то, чего не осознавал раньше; он понял это и сам поразился своей былой слепоте. Камни мостовой были враждебны, смертельно опасны, и человек, упавший на них с высоты, хотя бы и со спины лошади, был почти обречен.

Кавалькада двигалась дальше, и вместе со всеми цокал копытами Эгертов жеребец – но всадник его уже не видел ничего вокруг. Сжимая мокрыми ладонями уздечку, Эгерт Солль, прирожденный наездник, умирал от боязни упасть.

В ушах его многократно повторялся сочный хруст сломанной шеи; камни мостовой сладострастно выпирали, будто предчувствуя момент, когда голова храброго лейтенанта треснет, подобно спелому арбузу, на их полированных боках. Пот градом катился по Эгертовой спине, хотя ночь была свежей, даже прохладной. За два квартала он успел тысячу раз умереть, и, наконец, конь его тоже почувал неладное, будто смятение всадника передалось и ему.

Кавалькада как раз поворачивала; обеспокоенный, жеребец дернулся – и этого неожиданного движения хватило прославленному наезднику Соллю, чтобы свалиться.

Эгерт сам не понял, как это произошло; он давно забыл, как падают с лошади, потому что последний раз это случилось с ним, когда он был десятилетним мальчиком. Он ощутил только мгновенный ужас, перед глазами его мелькнуло черное небо с редкими звездами, а потом последовал болезненный, но, к удивлению Солля, не смертельный удар.

Он лежал на боку, и перед глазами у него оказались копыта его же лошади; факел выпал из рук и шипел рядом в луже. Откуда-то издали слышались удивленные вопросы; в мгновение ока Солль осознал случившееся и счел за благо притвориться, что потерял сознание.

Что может заставить лейтенанта гуардов, особенно если это Эгерт Солль, свалиться с лошади, идущей шагом, на глазах у четверки подчиненных? Только смерть, подумал лежащий Эгерт, и ему захотелось умереть.

– ...Солль! Эй, помоги, Лаган, он как мертвый, вот это да...

Он почувствовал, как чьи-то руки берут его за плечи и поворачивают лицом вверх, и не стал подавать признаков жизни.

– Флягу! Бонифор, флягу, быстро!

На лицо ему пролилась небольшая речка. Выждав еще немного, он застонал и открыл глаза.

В свете факелов над ним склонились Карвер, Лаган, Оль и Бонифор; лица у всех были удивленные, а у юных гуардов еще и испуганные.

– Живой, – заметил Оль с облегчением.

– Что ему делается, – флегматично отозвался Лаган. – Солль, ты пьяный, что ли?

– Когда отправлялись, был трезвый, – резонно возразил Карвер. – Разве что на ходу успел...

– На воинском посту? – беззлобно поинтересовался Лаган.

– Да от него не пахнет! – возмутился Бонифор.

Эгерту очень неудобно было лежать вот так, навзничь, и служить объектом всеобщего интереса – к тому же камни мостовой, будто дождавшись своего часа, впивались в спину. Повозившись, он поднялся на локти – в тот же момент сразу несколько рук помогли ему встать.

– Что с тобой? – прямо спросил, наконец, Карвер.

Эгерт сам не знал, что с ним, но давать гуардам подробный отчет не входило в его планы.

– Не помню, – соврал он, стараясь, чтобы голос его звучал как можно более хрипло. – Помню, ехали... Потом темно, темно – и на земле лежу...

Гуарды переглянулись.

– Плохо дело, – сказал Лаган. – Ты к врачу когда-нибудь обращался?

Эгерт не ответил. С трудом, преодолевая дрожь, снова взобрался на лошадь; ночной обход продолжился – но до самого утра Эгерт ловил на себе вопросительные взгляды товарищей, будто ожидающих, что он свалится снова.

Через несколько дней полк выехал на маневры.

Проводы были обставлены со всевозможной пышностью; как полагается, маневрам предшествовал парад. Чуть не все население Каваррена собралось на набережной, причем главы уважаемых семейств явились с миниатюрными флагами династий, и флагштоками им служили обнаженные шпаги, вскинутые, как палочка капельмейстера. Бургомистр облачился в мантию, расшитую геральдическими зверями; мальчики, записанные в полк, но не достигшие еще возраста мужчин, построены были в колонну и несколько раз промаршировали взад-вперед; во главе колонны шагал пятнадцатилетний юноша, а замыкал ее трехлетний малыш в мундирчике и с деревянным кинжалом у пояса. Разница в длине шага будущих гуардов то и дело сказывалась, малыш совсем запыхался и несколько раз шлепнулся, путаясь в перевязи – но не заплакал, памятуя, видимо, какой чести удостоен.

Потом пред очи собравшихся явились, наконец, виновники торжества – возглавляемые капитаном, гуарды торжественно проехали по улице, и под каждым была лоснящаяся холеная лошадь, и в правой руке каждый держал приветственно вскинутую шпагу. Смелые девушки из толпы выскакивали к самым лошадиным мордам, набрасывая гуардам на клинки цветные кольца, украшенные фиалками; каждое такое кольцо означало нежные дружеские чувства. Больше всех колец досталось капитану – по званию – да еще Соллю, который, впрочем, в то утро был бледен и не совсем здоров. Над головами толпы кружились, падая, цветы и сброшенные шляпы; гуардов провожали будто на войну, хоть каждый знал, что через три дня полк, целый и невредимый, потихоньку вернется в город.

Горожане остались праздновать, а гуарды, миновав городские ворота, выехали на большую дорогу и направились туда, где еще за неделю до этого приготовлен был военный лагерь.

Весна наконец-то развернулась во всю свою мощь; Солль сидел в седле сгорбленный, никак не просветленный дивным солнечным пейзажем, раскинувшимся справа и слева от дороги. Ночь накануне он провел без сна – еще до полуночи его навестил очередной кошмар, и потому он дождался рассвета, меняя догорающие в канделябрах свечи. Парад не взбодрил его, как ожидалось, а, наоборот, принес новое потрясение: Эгерт обнаружил, что самый вид обнаженной шпаги чрезвычайно ему неприятен. Светлое небо! Вид обнаженного клинка, всегда ласкавший сердце рубаки и поединщика, не навевал более сладких мыслей о славе, о победе; глядя на заостренное железо, Солль, потрясенный, думал теперь только о рассеченной коже, об обнаженной кости, о крови и боли, после которых наступает смерть...

Товарищи-гуарды косились на лейтенанта Солля; официальная версия была – тяжело влюблен. Обсуждались возможные объекты несчастливой страсти, причем наиболее проницательные предполагали даже, что сердце лейтенанта пленила холодная и прекрасная Тория, невеста погибшего студента. Только Карвер не принимал в этих спорах никакого участия, а только молча, издали, наблюдал.

Свернули с дороги, проскакали краем глубокого оврага – из-под копыт посыпались в пропасть комья земли. Капитан выкрикнул команду; Эгерт вздрогнул, увидев оструганное, без единого сучка бревно, переброшенное с одного края оврага на другой.

Однажды на спор Солль станцевал на самой середине бревна, над самой глубокой частью оврага. Всякий раз, когда нога Эгерта ступала на гладкую скользкую поверхность, душа его замирала, охваченная восторгом близкой опасности и сознанием собственной отваги. Не удовлетворяясь риском в одиночку, он заставлял рисковать других и, пользуясь властью лейтенанта и магическим действием слова «трус», устраивал на бревне поединки... Однажды кто-то сорвался-таки, упал на дно оврага и сломал ногу; Эгерт не помнил имени того бедняги – с тех пор он охромел и вынужден был покинуть полк...

Все это вспомнилось Эгерту в течение той секунды, когда по команде капитана гварды спешили возле бревна.

Построились; юных, неопытных гвардов капитан поставил отдельно, и лейтенант Дрон, признанный воспитатель молодежи, с важным видом принялся объяснять им суть испытания. Тем временем капитан, не желавший терять ни минуты, скомандовал начало.

Условия были просты – перебежать на ту сторону и ждать там остальных. Мальчики-оруженосцы, взятые на маневры специально для мелких услуг, должны были отвести лошадей в лагерь; мертвой рукой Эгерт передал свой повод подростку, глядящему на него с обожанием.

В строгом порядке, один за другим, гварды преодолевали препятствие – кто-то с бравадой, кто-то с плохо скрываемой робостью, кто-то бегом, кто-то опасливым семенящим шагом. Солль замыкал колонну; глядя, как сапоги его товарищей бесстрашно попирают гладкое тело бревна, он изо всех сил пытался понять, откуда взялось это липкое чувство в груди и болезненная слабость в коленях?

Никогда раньше не испытывавший настоящего страха перед опасностью, Эгерт не сразу и понял, что попросту боится – боится так сильно, что слабеют ноги и болезненно сводит живот...

Цепочка гвардов по эту сторону оврага редела; юноши, впервые прошедшие испытание, радостно толпились на противоположной стороне, криками подбадривая всех, ступающих на бревно. Близилась очередь Эгерта; мальчики-оруженосцы, которым давно пора было выполнить приказ и увести коней, задержались ради редкой возможности видеть новый трюк лейтенанта Солля.

Карвер, последний в колонне перед Соллем, ступил на бревно. Сначала он шел небрежно, даже развязно, но где-то на середине сбился с шага и нервно, раскинув руки, закончил переход. Прежний Солль не упустил бы возможности презрительно свистнуть приятелю в спину – но тот Эгерт, которому предстояло сейчас ступить на бревно, только перевел дыхание.

Теперь все гварды выстроились на противоположном берегу – и все, как один, вопросительно глядели на Солля.

Он заставил себя подойти; светлое небо, зачем же так дрожат колени?!

Его сапог неуверенно встал на отесанный край. Перейти на ту сторону невозможно; бревно гладкое, нога обязательно соскользнет, Эгерт в лучшем случае охромеет, как тот несчастный...

Все ждали; начало Эгертового трюка было совсем уж необычным.

В который раз облизнув сухие губы, он сделал шаг – и зашатался, ловя руками воздух. На том берегу засмеялись – решили, что он ловко притворяется неумехой.

Он сделал еще полшага – и ясно увидел дно оврага, и острые камни на дне, и свое изученное тело на камнях...

И тогда, подняв тоскливые глаза на предстоящий ему путь над пропастью, он решился.

Решился, поспешно отступил, несколько театральным движением схватился за грудь. Дернулся, будто в конвульсии; зашатался и, ловко спрыгнув с бревна, замертво повалился на землю.

Подергиваясь в куче прошлогодних листьев, Эгерт лихорадочно вспоминал признаки страшных болезней, о которых он когда-либо слышал – падучая, припадки... Хорошо бы, чтоб пена на губах – но во рту было сухо, как в брошенном колодце, и недостаток симптомов пришлось восполнять совсем уж немислимыми телодвижениями.

Удивление и смех на той стороне сменились криками ужаса; первым подбежал тот подросток, которому Эгерт доверил жеребца. Светлое небо! От стыда и унижения у Солля заложило уши, но выбора не было, и он бился, подобно выброшенной на берег рыбине, хрипел и задыхался, пока капитан с Карвером и Дроном не обступили его со всех сторон. Минут десять его приводили в чувство – тщетно; стиснув зубы и закатив под лоб глаза, Солль старательно изображал покойника – только если настоящие покойники в таких случаях остывают и покрываются синевой, то Эгерт был горяч и красен – от ни с чем не сравнимого, жгучего стыда.

Встревоженный внезапной болезнью лейтенанта Солля, капитан немедленно отослал его в город. Он хотел было дать сопровождающего, но Эгерт сумел отказаться; капитан подумал про себя, что и в тяжелой болезни Солль проявляет редкостное даже для гварда мужество.

Отец Солля взволновался не меньше капитана; едва Эгерт успел стянуть сапоги и повалиться в кресло, как в дверь его комнаты постучали – вежливо, но твердо. На пороге обнаружили Солль-старший и невысокий щуплый человечек в сюртуке до пят – доктор.

У Эгерта не было другого выхода, как сквозь зубы пожаловаться на недомогание и дать себя осмотреть.

Врач весьма обстоятельно обстучал его молоточком, ощупал, прослушал, едва ли не обнюхал; потом долго и вопросительно заглядывал Эгерту в глаза, оттянув при этом его нижние веки. Все так же сквозь зубы Эгерт выдавливал ответы на очень подробные вопросы, некоторые из которых заставляли краснеть: нет, не болел. Нет. Нет. Прозрачная. Каждое утро. Раны? Может быть, несколько пустяковых царапин. След на щеке? Несчастный случай, и уже совсем не беспокоит.

Солль-старший нервничал; руки его так мучили одна другую, что грозили истереться в кровь. Пожелав заглянуть Эгерту в глотку, врачеватель едва не оторвал ему язык; потом вытер руки о белоснежную салфетку и, вздохнув, порекомендовал обычное средство поставленных в тупик докторов: кровопускание.

Через минуту в комнату был доставлен большой медный таз; лекарь раскрыл черный саквояжик, откуда явились на чистую скатерть сияющие, как весенний день, скальпели и ланцеты. Звякнули в ящичке маленькие круглые банки, старая управительница притащила свежую простыню.

Все эти приготовления вгоняли Эгерта в глухую черную тоску; временами ему казалось, что лучше было бы вернуться на маневры. Отец, обрадованный, что может хоть как-то помочь захворавшему сыну, заботливо помог ему снять рубашку.

Приготовления были закончены. Впрочем, когда Солль увидел деловитое лезвие в неумолимой лекарской руке, как-то само собой выяснилось, что кровопускание не состоится.

– Сын мой... – пробормотал отец растерянно. – Светлое небо, вы действительно очень больны...

Забившись в угол, с тяжелым подсвечником наперевес, Эгерт тяжело дышал:

– Не желаю... Оставьте меня в покое...

Старуха-управительница задумчиво пожевала губами; на пороге комнаты встала бледная пожилая женщина – Эгертова мать.

Оглядев присутствующих и еще раз оценивающе взглянув на Эгерта – а тот был голый до пояса, круглые мышцы рельефно выдавались, натягивая чистую кожу – доктор печально пожал плечами:

– Увы, господа...

Инструменты вернулись в саквояж; растерянный Солль-старший тщетно пытался вытянуть из врачевателя хоть что-нибудь в объяснение его «увы»: означает ли это, что дела Эгерта совсем уж плохи?

Собравшись и снова взглянув на Эгерта, доктор покачал головой и произнес, обращаясь более к кабанам на гобеленах, нежели к семейству Соллей:

– Молодой человек... Хм... В значительной степени здоров. Да, господа... Но если молодого человека что-то беспокоит... Это не медицинская проблема, любезные господа. Не медицинская.

Светлое небо! Мужественный Харс, покровитель воинов, как ты допустил это?

Лейтенант Эгерт Солль был смертельно уязвлен, и раненое самолюбие его горестно стояло. Самым странным и неприятным оставалось то, что гордость Эгерта была задета не снаружи, а изнутри.

Битый час он простоял перед зеркалом, производя уже собственное врачебное дознание. Из зеркальной глубины на него смотрел все тот же давний знакомец Солль – серо-голубые глаза, светлые волосы и поджившая царапина на щеке. Будет шрам, решил Эгерт, проводя по отметине пальцем. Отныне у Эгерта Солля появится особая примета. Что ж, шрам на лице мужчины – скорее доблесть, нежели изъян...

Он подышал на зеркало и поставил крестик в запотевшем от дыхания кружке. Отчаиваться рано; если все, происходящее с Эгертом, болезнь, то он знает верный способ излечиться.

Сменив полотняную рубашку на шелковую и не слушая доводов расстроенного отца, Эгерт отправился прочь из дому.

Любому гварду известно было, что жена капитана, красавица Дилия, благоволит лейтенанту Соллю. Оставалось загадкой, почему об этом до сих пор не знал сам капитан.

Визиты к Дилии доставляли Эгерту удвоенное удовольствие, потому что, тешась в жарких объятиях капитанши, он наслаждался также риском и сознанием собственной дерзости. Особенно ему нравилось целовать Дилию, заслышав шаги капитана на лестнице – ближе, ближе... Солль прекрасно понимал, что произойдет, ежели капитан, порядочный ревнивец, обнаружит в кружевной постели Дилии своего лейтенанта. Железные нервы красавицы не выдерживали, когда вечно исполненный подозрений муж стучался к ней в спальню; Эгерт смеялся и, смеясь, выскальзывал в окно, а то и в трубу камина, прихватив на ходу одежду. И ни разу, ни единого разу проклятая бестия Солль не уронил ни пуговицы, ни пряжки, не свалился с подоконника, не наделал шуму... Обмирая, Дилия слышала одновременно шорох под окном и грузные шаги мужа у самой кровати – и опять-таки ни разу бдительный капитан не учуял близ супружеской постели даже запаха чужого мужчины.

Визиты к Дилии всегда окрыляли Солля – именно у нее на груди он рассчитывал теперь исцелиться от странной напасти.

Вечерело; Эгерту по-прежнему неприятны были сумерки, но мысль о грядущем блаженстве помогла ему преодолеть себя. Горничная, как водится, была подкуплена; Дилия, чья красота прикрывалась лишь ажурным пеньюаром, встретила Солля широко открытыми глазами:

– Небо, а маневры?!

Впрочем, ее удивление тут же сменилось улыбкой, благосклонной и жадной одновременно: красавица была польщена. Каким, однако, надо быть рыцарем, чтобы тайком покинуть военный лагерь ради встречи с любимой!

Горничная принесла вино на подносе и вазочку с фруктами, украшенную павлиньим пером – знаком пылкой любви. Дилия, довольная, раскинулась на постели, как сытая кошка:

– О, Солль... Я уж готова была нехорошо о вас подумать, – она тонко улыбнулась. – Ваши дуэли взяли верх над вашей любовью... Я ревновала к дуэлям, Солль! – капитанша тряхнула головой с таким расчетом, чтобы темные кудри рассыпались как можно живописнее. – Если вы и впрямь убили кого-то – разве это повод, чтобы оставлять Дилию так надолго?!

Стараясь не глядеть в темный угол спальни, Эгерт пробормотал какой-то сладкий комплимент. Дилия мурлыкнула и продолжала, вплетая в голос бархатные нотки:

– А теперь... Ваш поступок, право же, дает мне право простить вас. Я знаю, что такое для гварда маневры... Вы пожертвовали любимой своей игрушкой – и будете вознаграждены, – полуоткрыв губы, Дилия подалась вперед, и Эгерт ощутил густой розовый запах, – достойно вознаграждены...

Он перевел дыхание; нежные пальчики уже боролись с застежками мундира:

– Пусть муж мой спит в палатке и кормит комаров – да, Эгерт? У нас целая ночь... И завтра... и послезавтра... Да, Эгерт? Этот шрам, он украшает тебя... Пусть это будет лучшее наше время...

Она помогла ему раздеться – вернее, это он помог ей раздеть себя. Юркнув в постель, он ощутил, как горит ее гладкое, будто атласное тело. Проведя ладонями вниз по упругим бокам, Эгерт вздрогнул: руки наткнулись на теплое, разогретое горячей кровью красавицы железо.

Дилия звонко расхохоталась:

– Это пояс верности! Подарочек твоего капитана, Эгерт!

Он не успел опомниться, как, извернувшись, она выудила из-под подушки маленький стальной ключ.

На несколько приятных минут Солль позабыл свои неприятности и хохотал от души, слушая рассказ о рождении волшебного ключика «из мыльной пены». Перед походом капитан пожелал помыться в бане – Дилия с трогательной заботой вызвалась помочь ему и, в то время, когда ревнивец млеет под струями теплой воды и ласками нежных ладошек, исхитрилась завладеть ключом, висящим на капитановой шее, и оттиснуть его на куске мыла. Капитан отправился на маневры чистым и довольным...

...Пояс верности, маленький железный уродец, со звоном упал на пол.

В доме стояла мертвая тишина – слуг, очевидно, отпустили на вечер, а горничная легла спать. Лаская жену своего капитана, Эгерт никак не мог избавиться от мысли, что от полевого лагеря гвардов до города всего два часа пути.

– Солль... – горячо шептала красавица, и сладострастная улыбка обнажала ее мелкие, влажно поблескивающие зубы. – Как давно, Солль... Обними же...

Солль послушно обнял – и жгучая волна страсти захлестнула его самого. Красавица застонала – поцелуй Эгерта, казалось, достиг самого ее нутра. Сладко и ритмично выгибаясь, оба готовы были вознестись на крыльях блаженства – и в этот момент чуткое ухо Солля уловило шорох за дверью.

Так страдает раскаленная сталь, когда ее бросают в ледяную воду. Эгерт застыл; кожа его в мгновение ока покрылась крупными каплями пота, а капитанша, несколько раз простонав в одиночестве, раскрыла удивленные глаза:

– Эгерт?

Он проглотил липкую, тягучую слюну. Шорох повторился.

– Это мыши, – Дилия облегченно вздохнула. – Что с тобой, любимый?

Эгерт сам не знал, что с ним. Перед глазами у него стоял капитан, скорчившийся под дверью и подглядывающий в замочную скважину.

– Я посмотрю, – выдохнул Солль, схватил подсвечник и поспешил к двери.

Маленькая серая мышка шарахнулась прочь, но будучи, очевидно, несколько отважнее лейтенанта Солля, не бросилась сразу в нору, а остановилась на пороге ее, посверкивая на Эгерта вопросительными черными глазками.

Эгерт готов был убить ее.

Дилия ждала его со снисходительной усмешкой:

– О, эти гварды... Что за прихоти, Солль, что за шутки? Идите же ко мне, мой лейтенант...

И она опять обняла его, но, профессионально лаская разомлевшее женское тело, Эгерт оставался холодным и съезжившимся.

Тогда, приблизив губы к самому его уху, Дилия ласково зашептала:

– Мы одни, одни во всем доме... Твой капитан сейчас далеко, Эгерт... Ты не услышишь его шагов на лестнице... Он там, в лагере, в палатке... Стережет свое стадо... Он доблестный капитан, он проверяет караулы каждый час... Обними меня, мой отважный Солль, у нас ночь впереди...

Убаюканный ее шепотом, он перестал наконец вслушиваться, и молодая страсть снова взяла верх. Тело его обрело прежнюю силу и упругость, отогрелось, ожило; Дилия урчала и покусывала его за плечо, Эгерт впивался в нее со всей неукротимой жадностью, и самая сладкая минута была близка, когда тихо стукнула входная дверь и внизу послышались крадущиеся шаги.

У Эгерта потемнело в глазах; вся взбудораженная страстью кровь отхлынула от его лица, и оно засветилось в полутьме молочной белизной. На нежную кожу красавицы снова закапал холодный пот; трясаясь, будто в лихорадке, Эгерт отполз на край постели.

Внизу переговаривались приглушенные голоса. Звякнула посуда на кухне – удивительно, как обострился в тот момент Эгертов слух! Снова шаги... Сдавленная ругань, шипение, призывающее к тишине...

– Это слуги вернулись, – устало объяснила Дилия. – Право же, Эгерт... Нельзя так поступать с любящей женщиной...

Сидя на краю кровати, Солль обхватил голые плечи руками. Небо, за что такой позор?! Ему хотелось бежать без оглядки, но при одной мысли, что он уйдет вот так, оставив Дилию в недоумении – при одной этой мысли у него сводило челюсти.

– Что с вами, мой друг? – тихо спросила капитанша у него за спиной.

Он хотел изо всей силы укусить себя за руку – но, едва почувствовав боль, невольно разжал зубы.

– Эгерт, – в голосе Дилии скользнула горькая обида, – лейтенант Солль... Вы больше не любите меня?

Я болен, хотел сказать Эгерт, но вовремя одумался и промолчал. Небо, какая глупость...

– Я люблю, – сказал он хрипло.

Слуги внизу наконец-то угомонились, и дом снова погрузился в тишину.

– Выходит, я напрасно сняла пояс верности? – слова Дилии, ядовитые, как отравленный дротик, вонзились Эгерту в голую спину.

И снова он превозмог себя. Холодный и мокрый, влез под кружевное одеяло – с таким же успехом Дилия могла уложить рядом лягушку или тритона. Красавица обижено отстранилась – деревянными руками Эгерт привлек ее к себе.

Тело его оставалось на диво здоровым и жадным. Дважды пережив шок, оно все-таки снова захотело любви – так костер, нещадно облитый водой, восстанавливает себя из искорки.

Дилия ожила ему навстречу; через несколько минут комнату оглашало вожденное рычание. Эгерт рвался к цели, не думая уже об удовольствии – скорее бы покончить с этим делом и восстановить хотя бы остатки былой славы. До желанного финала оставалось несколько секунд, и тишина воцарилась в доме, и спал город, и во всем подлунном мире разлеглось спокойствие, и ничто, казалось бы, не мешало лейтенанту Соллю завершить начатое – когда перед внутренним взором его возник капитан, врывающийся в комнату в сопровождении Дрона и гвардов. Картина была такой ясной и яркой, что Эгерт видел даже красные прожилки налитых кровью белков; ему показалось, что жесткая узловатая рука уже схватилась за край одеяла и сейчас последует рывок...

Он обмяк, словно выпотрошенная тушка. Все оказалось напрасно; дальнейшие усилия были бесплодны, а при частом повторении жалки и даже смешны. Эгерт Солль, первый в городе любовник, обречен был на неудачу.

Горько засмеялась Дилия.

Тогда Эгерт вскочил, сгреб в охапку одежду и кинулся к окну. По дороге он растерял половину своего гардероба, сбил на пол поднос с вином и фруктами и опрокинул столик. Взлетев на подоконник, он испугался высоты второго этажа – но было поздно, он уже не мог остановиться. С разгону вылетев за окно, великолепный Солль голышом шлепнулся на клумбу, изничтожив рододендроны и заслужив вечное проклятие садовника. На ходу одеваясь, путаясь в ворохе рукавов и штанин, плача от стыда и боли, Солль опрометью бросился домой – и счастье еще, что до рассвета оставалось несколько часов и никто не видел славного лейтенанта в столь жалком состоянии.

Вернувшиеся в город гварды первым же делом поспешили осведомиться о здоровье лейтенанта Солля. С кислой улыбкой бледный, осунувшийся Эгерт уверил прибывших к нему посланцев, что дело идет на поправку.

Сплетня о неудаче с Дилией стала достоянием злых языков на другой же день, ее пересказывали со вкусом и удовольствием – но в глубине души не очень-то верили: видимо, мстит за что-то скверная капитанша.

Единственным утешением Солля оказалось одиночество. Дни напролет он проводил либо запершись в комнате, либо блуждая безлюдными улицами; во время таких блужданий ему впервые явилась простая и страшная мысль: а что, если происходящее с ним – не случайность и не временное недомогание, что, если наваждение это будет тянуться и дальше, месяцы, годы, всегда?!

Солля временно освободили от сборов и патрулирований; общества товарищей он старательно избегал, о визите к даме ему страшно было подумать, позабытая шпага стояла в углу, как наказанный ребенок. По всему дому слышны были вздохи Солля-старшего – он, как и сын, прекрасно понимал, что долго так тянуться на может: Эгерту придется либо исцелиться, либо оставить полк.

Временами под дверью сыновней комнаты тихо появлялась мать. Постояв несколько минут, она медленно удалялась к себе; однажды, встретив Эгерта в гостиной, она не промолчала, по обыкновению, а осторожно взяла его за манжет рубашки:

– Сын мой... Что с вами?

И, привстав для этого на цыпочки, мать положила ладонь ему на лоб, будто желая удостовериться, что жара нет.

Последний раз она спрашивала его о чем-либо лет пять назад. Он давно отвык разговаривать с матерью; он забыл прикосновение маленьких сухих пальцев к своему лбу.

– Эгерт... что случилось?

Растерявшись, он так и не выдал ни слова.

С тех пор он стал избегать и матери тоже. Одинокие прогулки его становились все унылее и унылее; однажды, сам не зная как, Солль наткнулся в блужданиях на городское кладбище.

Последний раз он был здесь ребенком; по счастью, все родные и друзья его были живы, и Эгерт не знал, зачем людям проводить обиталища мертвых. Теперь, миновав ограду, он затрепетал и остановился: кладбище показалось ему странным, пугающим, не принадлежащим к этому миру местом.

Калека-сторож выглянул из своего домика – и скрылся. Эгерт вздрогнул и хотел уйти – но вместо этого медленно двинулся по тропинке среди памятников.

Могилы побогаче украшены были мрамором, победнее – гранитом; встречались памятники, вытесанные из дерева. Почти все они по традиции изображали усталых птиц, присевших на надгробие.

Эгерт шел и шел; ему давно уже было не по себе, но он, как зачарованный, все читал и читал полустертые надписи. Пошел дождь; капли стекали по каменным клювам и бессильно опущенным крыльям, струйками сбегали между впившимися в плиты мертвыми когтями... Из серой пелены, в которую превратился день, навстречу Эгерту выступали поникшие на мраморных скалах орлы, нахохлившиеся маленькие ласточки, уронившие голову журавли... В широких оградах покоились целые семьи; на одном надгробии неподвижно сидели два прижавшиеся друг к другу голубя, а на другом обессиленно склонила голову маленькая, измученная пичуга, и залитая водой надпись на камне заставила Эгерта остановиться: «Снова полечу»...

Вода струилась у Солля по лицу. Он сделал над собой усилие, повернул, двинулся к выходу; от земли поднимался серый, волглый туман.

На самом краю кладбища он остановился.

В стороне от тропинки темнела свежая могила без памятника, покрытая гладкой гранитной плитой. На серой плите лужицами проступали буквы: «Динар Дарран».

И все. Ни слова, ни знака, ни вести. Но, может быть, это совсем другой человек, подумал Солль в тоске. Может быть, это другой Динар...

Едва переступая ногами, он подошел. Динар Дарран. Карета у дверей «Благородного меча» и девушка странной, совершенной красоты. Кривая черта под самыми носами Соллевых ботфорт, и бесформенные красные пятна на ее щеках: «Динар?!»

Солль вздрогнул – так ясно прозвучал у него в ушах голос Тории. Будто звон бьющегося стекла: Динар?! Динар?! Динар?!

На эту могилу никогда не опустится усталая каменная птица.

Сторож снова высунулся из домика, не спуская с Эгерта удивленного, настороженного взгляда.

Тогда Солль повернулся и что есть силы ринулся прочь.

Дни сменялись днями. Время от времени от капитана являлся посыльный с одним и тем же вопросом: как себя чувствует лейтенант Солль и в состоянии ли он приступить к службе? Посыльный отправлялся назад, унося один и тот же ответ: лейтенант чувствует себя лучше, но приступить к службе пока не может.

Несколько раз появлялся и Карвер. Каждый раз ему приходилось выслушивать извинения, передаваемые через слугу – молодой господин, увы, слишком слаб и не может встретиться со старым другом.

Гуарды Каваррена понемногу привыкали к попойкам без Солля; одно время всех волновала история его роковой любви, но потом эта тема сама собой заглохла. Служанка Фета в трактире у городских ворот тайком повздыхала, утирая глазки – но вскоре утешилась, потому что и без славного Эгерта кругом хватало блестящих господ с эполетами на плечах.

Наконец, посыльный от капитана задал свой вечный вопрос несколько иначе: а сможет ли лейтенант Солль вообще продолжать службу? Поколебавшись, Эгерт ответил утвердительно.

На другой же день его вызвали на сбор с показательными боями. Бои эти, проводившиеся обязательно затупленным оружием, всегда вызывали у Эгерта насмешку: как же можно получить представление об опасности, имея в руках тупое беззубое железо? Теперь одна мысль о том, что придется встать лицом к лицу с вооруженным противником, бросала Эгерта в дрожь.

Наутро после бессонной ночи он отправил в полк слугу с вестью, что болезнь лейтенанта Солля обострилась. Гонец благополучно вышел из дому – но миновать ворота ему не удалось, потому что суровый, исполненный негодования Эгертов отец безжалостно перехватил сыновнее послание.

– Сын мой, – на щеках Солля-старшего перекатывались желваки, когда, темный как туча, он встал на пороге Эгертовой комнаты. – Сын мой, пришло время объясниться, – он перевел дыхание. – Я всегда видел в своем сыне прежде всего мужчину; что значит эта ваша странная болезнь? Уж не намерены ли вы оставить полк, служба в котором – честь для всякого молодого человека благородной крови? Если это не так – а я надеюсь, что это все-таки не так – то чем объяснить ваше нежелание явиться на сбор?!

Эгерт смотрел на своего отца, не очень молодого и не очень здорового человека; он видел жилы, натянувшиеся на морщинистой шее, глубокие складки между властно сдвинутыми бровями и возмущенно сверкающие глаза. Отец продолжал:

– Светлое небо! Я наблюдаю за вами вот уже несколько недель... И если бы вы не были моим сыном, если бы я не знал вас раньше – клянусь Харсом, я решил бы, что болезни вашей имя – трусость!

Эгерт дернулся, как от пощечины. Все естество его вскричало от горя и обиды – но слово было произнесено, и в глубине души Эгерт знал, что сказанное отцом – правда.

– В роду Соллей никогда не было трусов, – сказал отец сдавленным шепотом. – Вам придется взять себя в руки, или...

Наверное, Солль-старший хотел сказать что-то уж совсем ужасное – так нервно задергались его губы и вздулась вена на виске. Возможно, он хотел посулить отцово проклятие либо изгнание из дому – но не решился произнести угрозу и вместо этого повторил значительно:

– В роду Соллей никогда не было трусов!

– Оставьте его, – послышалось из-за широкой спины Солля-старшего.

Эгертова мать, бледная женщина с вечно опущенными плечами, не так часто позволяла себе вмешиваться в разговоры мужчин:

– Оставьте его... Что бы ни происходило с нашим сыном, но впервые за последние годы...

И она осеклась. Возможно, она хотела сказать, что впервые за последние годы она не чувствует в сыне жесткой и хищной струны, которая пугала ее, делая чужим и неприятным ее собственного ребенка – но тоже не решилась произнести это вслух и только посмотрела на Эгерта – длинно и сочувственно.

Тогда Эгерт взял шпагу и ушел прочь из дома.

Показательные бои в тот день прошли без лейтенанта Солля, потому что, выйдя за ворота, он не отправился в полк, а побрел пустынными улицами по направлению к городским воротам.

У трактира он остановился; трудно сказать, что заставило его завернуть в широкую, до мелочей знакомую дверь.

В этот утренний час трактир был пуст, только между дальними столиками мелькала чья-то согбенная спина; Эгерт подошел ближе. Не разгибаясь, спина елозила чем-то по полу и мурлыкала песню без слов и мелодии; когда Эгерт отодвинул стул и сел, песня оборвалась. Спина выпрямилась – и служанка Фета, красная и запыхавшаяся, выронила от радости мохнатую тряпку:

– Господин Эгерт!

Через силу улыбнувшись, Солль велел подать себе вина.

На столах, на полу, на резных спинках стульев лежали квадратные солнечные пятна. Тонко жужжала муха, колотясь лбом о стекло квадратного же оконца; покусывая край стакана, Эгерт тупо смотрел в деревянные узоры на столешнице.

Слово было сказано, и теперь Эгерт повторял его про себя, всякий раз содрогаясь, как от боли. Трусость. Светлое небо, он трусил! Он трусил уже бесчисленное число раз, и у страха его были свидетели, и главным из них оставался лейтенант Солль, прежний лейтенант Солль, герой и воплощенное бесстрашие...

Он оставил грызть стакан и принялся за ногти. Трусость отвратительна и жалка; Эгерт не раз наблюдал, как трусят другие, он видел признаки страха извне – бледность, неуверенность, трясущиеся колени... Теперь он знает, как выглядит собственная трусость. Страх – чудовище, снаружи ничтожное и ничтожное, изнутри же – палач, неодолимой силы мучитель...

Эгерт тряхнул головой. Неужели Карвер, например, испытывает нечто подобное, когда пугается? Неужели все люди...

Фета в десятый раз явилась с тряпкой, чтобы надраить до блеска столик господина Эгерта; он, наконец, ответил на робкий заискивающий взгляд:

– Не вертись, пигалица... Присядь-ка со мной.

Она уселась с такой готовностью, что скрипнул дубовый стул:

– Что угодно господину Соллю?

Он вспомнил, как втыкались в косяк над ее головой метательные ножи и кинжалы, вспомнил – и покрылся холодным потом.

Она тут же отозвалась на его внезапную бледность, простонав сочувственно:

– Господин Эгерт так долго боле-ел...

– Фета, – сказал он, опуская глаза, – ты боишься чего-нибудь?

Она радостно заулыбалась, решив, по-видимому, что господин Эгерт заигрывает:

– Я боюсь однажды не угодить господину Соллю, и тогда хозяйка меня выгонит...

– Да, – вздохнул Эгерт терпеливо, – а еще чего ты боишься?

Фета захлопала глазами.

– Ну, темноты, например, – подсказал Эгерт. – Ты боишься темноты?

Фета помрачнела, будто вспомнив что-то; пробормотала нехотя:

– Да... Только... зачем это господину Эгерту?

– А высоты? – он, казалось, не заметил ее вопроса.

– И высоты боюсь, – призналась она тихо.

Некоторое время длилась тягостная пауза; Фета смотрела в стол. Когда Эгерт уверился, что не услышит от нее более ни слова, девушка вздрогнула и прошептала:

– И, знаете, особенно... Грома... Как бабахнет... Ита рассказывала, у них в селе одну девчонку громом убило насмерть... – она прерывисто вздохнула. Прижала ладони к щекам и добавила, мучительно покраснев:

– А особенно боюсь... забеременеть...

Эгерт отшатнулся; испугавшись своей откровенности, Фета затараторила, будто пытаясь потоком слов сгладить неловкость:

– Боюсь клопов, тараканов, бродяг, немых попрошаек, хозяйку, мышей... Но мышей – это не самое страшное, можно перебороть...

– Перебороть? – эхом откликнулся Эгерт. – А как ты... Что ты чувствуешь, когда страшно?

Она неуверенно улыбнулась:

– Страшно, и все... Внутри будто бы... Слабеет все, и еще...

Она вдруг залилась густой краской, и под слоем ее так и остался непроявленным еще один важный признак испуга.

– Фета, – спросил Эгерт тихо, – а тебе было страшно, когда я бросал в тебя ножи?

Она вострепнулась, будто вспомнив лучший день своей жизни:

– Нет, конечно! Я ведь знаю, что у господина Эгерта твердая рука...

Тут на кухне рявкнула хозяйка, и Фета с извинениями упорхнула прочь.

Квадратные солнечные пятна грузно переползали со стола на пол, с пола на стул; Эгерт сидел, сгорбившись, и водил пальцем по краю пустого стакана.

Фете не понять его. Никому на свете не понять его. Привычный мир, в котором он по праву был повелителем и господином, теплый надежный мир теперь вывернулся наизнанку, уставившись на Эгерта остриями шпаг, зубчатыми краями камней, лекарскими ланцетами... В этом новом мире обитают тени, ночные видения, из-за которых вот уже много ночей Эгерт спит при свете. В этом новом мире он ничтожен и жалок, беспомощен, как муха с оторванными крыльями – и что будет, когда об этом узнают другие?!

Грохнула, отворяясь, тяжелая дверь. В трактир ввалились господа гварды – и в числе их Карвер.

Эгерт остался сидеть, где сидел, только невольно подобрался, как перед прыжком; гварды мгновенно окружили его. От громогласных приветствий у Солля зазвенело в ушах, а от дружеских похлопываний болезненно заныло плечо.

– А мы вспоминали! – возвышался над всеми трубный голос Дрона. – Как говорить, «про осу болтают – глядь, оса летает»...

– А говорили, что Солль вот-вот помрет! – радостно сообщил какой-то гвард из молодых.

– Не дожدهшься! – захохотал Лаган. – Мы все перемрем раньше... А в трактире сидит – значит, здоров...

– В трактире сидит, а друзьями брезгует, – горько посетовал Карвер, заслужив тем самым несколько укоризненных взглядов.

Солль через силу поднял глаза на приятеля – и, встретившись с ним взглядом, удивился. Карвер смотрел на друга-повелителя со странным выражением – будто только что задал вопрос и терпеливо ждет ответа.

Вокруг гостей уже суетились Ита и Фета; кто-то провозгласил тост за обновившееся здоровье лейтенанта Солля. Выпили; Эгерт поперхнулся. Краем глаза он видел, что Карвер не сводит с него своего вопросительного взгляда.

– Ты что же, рак-отшельник, спрятался, притих? – весело поинтересовался Лаган. – Гвард без доброго общества чахнет и вянет, как роза в ночном горшке...

Юные Оль и Бонифор захохотали – преувеличенно громко.

– Клянусь шпорой, что он сочинял роман в письмах, – предположил Дрон. – Я как-то в патруле заметил: свет у него горел до утра...

– Да? – удивился Карвер, а прочие зацокали языками.

– Знать бы, какой-то красавице Солль посвящает ночные бдения... – протянул кто-то, особенно романтичный.

Эгерт сидел посреди радостного гвалта, улыбаясь кисло и неубедительно. Пристальный взгляд Карвера был ему неприятен.

– Тебе привет от Дилии, – заметил Карвер небрежно. – Она посетила ристалище и, между прочим, справлялась, почему бои проходят без Солля...

– Кстати, что передать капитану? – спохватился Дрон.

Эгерт скрипнул зубами. Больше всего на свете ему хотелось исчезнуть прочь, но уйти сейчас означало бы бросить вызов всеобщему веселью и доброму к себе отношению.

– Вина! – крикнул он в сторону хозяйки.

...За прошедшие после этого два с половиной часа Эгерт Солль совершил важнейшее в своей жизни открытие: спиртное, если его выпить в достаточном количестве, убивает и душевные муки, и страх.

В сумерках толпа гуардов, изрядно поредевшая, вывалила на улицу и двинулась в сторону «Верного щита», причем Солль кричал и смеялся не менее прочих. Краем глаза он время от времени ловил настроженные взгляды Карвера – но разомлевшему Эгерту было все равно: он наслаждался таким долгожданным сознанием собственной силы, свободы и смелости.

Все живое, попадавшееся на пути блестящей хмельной компании, жалось к обочинам, никоим образом не желая перейти дорогу господам гуардам. На набережной фонарщик зажигал фонари – гуляки едва не вышибли из-под него стремянку. Эгерт хохотал взахлеб; фонари плясали у него в глазах, кружились вальсом, кланялись и приседали. Густой воздух поздней весны полон был запахами, Солль хватал его носом и ртом, с каждым глотком ощущая и аромат прогретой реки, и свежесть трав, мокрых камней, дегтя, чьих-то духов и еще теплого навоза... Обнимая одной рукой Карвера, а другой всех поочередно, он свято уверовал, что болезнь его прошла, и как всякий исцелившийся больной, он имеет право на особенно острую радость жизни...

Напротив входа в «Верный щит», неподалеку от места, где впервые вышли из кареты студент и его невеста Тория, на выбоине в мостовой помещалась лужа – глубокая, как раскаляние, и жирная, как праздничный бульон. Эту лужу не высушили ни солнце, ни ветер; слегка обмелев, она сохранила себя от ранней весны до самого преддверия лета, и можно было ожидать, что столь необыкновенная живучесть поможет ей дожидаться осени.

Сейчас лужа ловила черной маслянистой поверхностью догорающее вечернее небо; на берегу ее, покачиваясь, стоял пьяный портняжка.

Что это именно портняжка, становилось ясно с первого же взгляда – тонкую шею удавкой захлестывал замусоленный сантиметр, а холщовый передник был вымазан мелом. Соломенные волосы двумя сосульками закладывались за уши; портняжка глядел в лужу и негромко икал.

Карвер захохотал; прочие дружно присоединились к нему, но смехом дело и кончилось. Подмастерье поднял мутные глаза и ничего не сказал, а гуарды, миновав его, направились к двери трактира.

Надо же было случиться, что именно в тот момент, когда Солль поравнялся с пьяницей, тот, потеряв равновесие, размашисто шагнул вперед. Тяжелый деревянный башмак угодил в самую середину лужи, подняв буйный фонтан вонючих брызг, большая часть которых досталась лейтенанту Эгерту.

Солля окатило чуть не с головы до ног; грязные брызги замарали мундир и рубашку, шею и лицо. Чувствуя, как по щекам скатываются крупные холодные капли, Эгерт застыл на месте, не сводя с пьяницы остекляневшего взгляда.

Гуарды окружили портняжку плотным кольцом; на Эгерта смотрели опасливо, на парня – с сочувствием и любопытством. Впрочем, подмастерье был еще более пьян, нежели лейтенант Солль, а значит, и более храбр; он не испугался господ гуардов, а может, попросту их не заметил. С чисто научным любопытством он разглядывал свой башмак, взволновавшуюся поверхность лужи и облитого грязью Солля.

– Рылом его туда, – беззлобно посоветовал Дрон. Юный Бонифор взвился, предчувствуя забаву:

– Можно, я?

– Это человек Солля, – бесстрастно заметил Карвер.

Лейтенант Солль свирепо оскалился, шагнул к портняжке – и враз протрезвел. Действительность обрушилась на него, придавив и весну, и свободу, и рожденную заново смелость; Эгерт ослабел от внезапной догадки, что сейчас испугается снова. И действительно – стоило подумать о страхе, как внутри живота его растеклась муторная слабость; надо было попросту протянуть руку и взять парня за шиворот – но рука взмокла и не желала подчиняться.

Великий Харс, помоги мне!

Весь дрожа от усилия, Солль потянулся-таки к загривку подмастерья. Схватил мокрой ладонью воротник куртки – и в ту же секунду парень, встряхнувшись, сбросил его руку.

Гуарды молчали. Солль чувствовал, как наперегонки струятся по спине ручейки холодного пота.

– Жалко, – выдавил он через силу, – дурак он, пьяный, случайно...

Гуарды переглянулись. Подмастерье между тем, желая не то опровергнуть слова Солля, не то попросту продолжить свои научные изыскания, неторопливо занес над лужей деревянный башмак...

Гуарды вовремя отскочили, один Солль, будто прикованный к месту, принял на себя очередную, еще более обильную порцию жирной грязи. Портняжка покачнулся, с трудом удержал равновесие, полюбовался результатом своего дела и, удовлетворенный, расплылся в улыбке.

– Убьет, – вполголоса заметил Дрон. – Проклятье...

Лицо Эгерта, уши его и шея пылали под слоем черной жижи. Бей! – надрывался разум, опыт, весь здравый смысл. Бей, проучи, пусть тебя оттащат потом от бесчувственного тела, ну что же ты, Эгерт, это невыносимо, это конец, это конец всему, бей же!

Гуарды молчали. Подмастерье пьяно улыбался.

Деревянной ладонью Эгерт взялся за эфес шпаги. Не то! – закричал здравый смысл. Куда ты тащишь шпагу на безоружного, на простолюдина?!

Шпага на безоружного, шпага на безоружного...

Подмастерье занес ногу в третий раз, глядя теперь уже Эгерту прямо в глаза. Видимо, он был настолько пьян, что из всего происходящего вокруг выделял только приятный для него процесс – путешествие брызг на лицо и одежду некоего господина.

Подмастерье занес ногу в третий раз, но в этот момент не выдержали нервы лейтенанта Дрона. С нечленораздельным рычанием он рванулся вперед, и кулак его врезался портняжке в подбородок. Без единого звука подмастерье, очень удивленный, опрокинулся назад – и так и остался лежать, посапывая.

Эгерт перевел дыхание. Он стоял, облитый грязью с головы до ног, и десять пар глаз потрясенно глядели, как эта грязь стекает по золотому галуно мундира.

Первым нарушил молчание Дрон:

– Ты бы его убил, Эгерт, – сказал он виновато. – Как тебя скрутило... Его, может быть, и стоило бы убить, но не здесь же, не сейчас... Надрался, дубина такая, что возьмешь – простолюдин... Эгерт, ты слышишь?

Солль стоял, глядя в лужу – как до этого подмастерье. Светлое небо, Дрон решил, что Эгерта парализовал приступ ярости!

Его тронули за мокрый рукав:

– Эгерт... Ну что тебя заклинило?! Не убивать же, Дрон прав... Если всех убивать, так и мастеровых не останется... Пойдем, Эгерт, а?

Оль и Бонифор уже переминались у дверей трактира, нетерпеливо оглядываясь на остальных; кто-то взял Солля под руку.

– Минутку, – уронил Карвер. На него удивленно оглянулись.

– Минутку, – повторил тот громче. – Дрон, и вы, господа... По-вашему, лейтенант Солль поступил правильно?

Кто-то фыркнул:

– Что за ерунда, что за речь перед строем, правильно-неправильно... Никак не поступил, и ладно, что дубина эта жива осталась...

– Неправильно, что озверел, – заметил Дрон примирительно. – Хватит, Карвер, пойдем...

Тут случилось странное. Проскользнув между гуардами, Карвер оказался вдруг прямо на том месте, где стоял до того поверженный портняжка. Несильно размахнувшись, Карвер ударил в лужу ботфортом.

Стало тихо, как в давно забытой могиле. По телу Солля прошла судорога; свежая грязь налипла на мундир, потеками заструилась по щеке со шрамом, сосульками склеила светлые волосы.

– А? – глупо спросил кто-то. – Аг...а?

– Эгерт, – сказал Карвер тихо. – Ты так и будешь стоять?

Голос его то приближался, то отдалялся – уши Солля будто заложило ватой.

– Он так и будет стоять, господа, – так же тихо пообещал Карвер и снова окатил Солля зловонной жижей.

В ту же минуту Карвера схватили с двух сторон Лаган и Дрон; тот не сопротивлялся и дал оттащить себя от лужи:

– Да не волнуйтесь так, господа... Посмотрите на Солля, он же не от ярости трясется... Он болен-таки, и болезнь его знаете как называется?

Эгерт с трудом разлепил губы, чтобы выдать жалкое:

– Замолчи...

Карвер воодушевился:

– Вот-вот... Вы слепы, господа, прошу прощения, но вы слепы как компания кротов...

И, пользуясь тем, что Лаган и Дрон растерянно выпустили его руки, Карвер поспешил к луже и, почти опорожня ее, снова окатил Солля.

Из окон и дверей «Верного меча» торчали, как грибы из лукошка, головы любопытных.

– Да он пьян! – панически выкрикнул Бонифор. – Гуард на гуарда...

– Солль больше не гуард! – рявкнул Карвер. – Его честь замарана, как его мундир...

Тогда Эгерт поднял глаза и встретился с Карвером взглядом.

Он был невиданно наблюдателен, этот друг-вассал. Долгие годы вторых ролей научили его смотреть и выжидать. Теперь, примерявшись, он угодил прямо в яблочко, он выиграл, он победил, и в уставленных на Солля жестких глазах Эгерта прочитал всю длинную историю их верной дружбы.

Ты всегда был храбрее меня, говорили глаза Карвера. Ты всегда был сильнее и удачливее, и разве я не расплачивался за это верностью и терпением? Вспомни, я сносил бестрепетно самые злые шутки; я сносил их по справедливости, я чуть ли не радовался твоим насмешкам! Жизнь переменчива; теперь я храбрее тебя, Эгерт, и справедливо будет, если ты...

– Да ты рехнулся, Карвер! – выкрикнуло сразу несколько голосов.

...Справедливо будет, если ты, Солль, займешь то положение, к которому обязывает тебя твоя трусость...

– Это дуэль, Солль! – хрипло произнес Дрон. – Ты должен вызвать...

Эгерт увидел, как друг его мигнул; где-то по дну сознания Карвера пронеслась шальная мысль: что, если все-таки просчитался? Если вызовет? Если дуэль?

– Это дуэль, Солль... – носилось в воздухе вокруг Эгертовой головы. – Вызывай... Сейчас или завтра, как хочешь... На рассвете, у моста... Дуэль... Дуэль... Поединок...

И тогда Эгерт ощутил тот самый симптом страха, о котором умолчала в разговоре Фета; от каждого слова «дуэль» ему становилось все труднее и труднее.

Карвер увидел и понял, и глаза его, устремленные на Солля, полыхнули сознанием полной и окончательной безопасности.

Дуэль... Дуэль... Поединок...

Где-то в глубине Эгертовой души метался прежний Солль, исходя бессильной яростью, приказывая немедленно выхватить шпагу и провести в грязи у ног Карвера черту... Но страх уже полностью подчинил себе бывшего лейтенанта, сломил его, парализовал и толкнул на самое постыдное для мужчины преступление: отказ от поединка.

Эгерт отступил на шаг; темное небо крутилось над его головой, как сумасшедшая карусель. Кто-то ахнул, кто-то предостерегающе закричал; и тогда лейтенант Эгерт Солль повернулся и побежал.

В тот же вечер, оставив в отчем доме облепленный грязью мундир и прихватив с собой только дорожный саквояж, гонимый невыносимым страхом и еще более тягостным стыдом, Эгерт покинул город.

3

За мутным окошком быстро вечерело. Дилижанс жалобно постанывал на ухабах; Эгерт сидел, забившись в угол, и безучастно смотрел на серую, однообразную, без усталости бегущую назад обочину.

Со дня, а вернее, с ночи его бегства из Каваррена прошло недели три; чувство окончания света и окончания жизни, овладевшее тогда Эгертом и бросившее его прочь из дому, из города, из мундира и собственной шкуры – это ужасное, мучительное чувство теперь притупилось, и Солль просто сидел в пыльном углу дилижанса, подмостив руку под подбородок, глядя в окно и стараясь ни о чем не думать.

Саквояж его не поместился на багажной полке, и теперь путался в ногах, мешая спрятать их под сиденье; все багажное отделение заполнено было узлами и корзинами, принадлежавшими странствующему торговцу. Сам торговец, желчный и жилистый старик, сидел теперь напротив; Эгерт прекрасно понимал, что имеет полное право потеснить его вещи ради собственного саквояжа – но не решился сказать и слова в свою защиту.

Место рядом со стариком занимала хорошенькая, юная, несколько робкая особа – по-видимому, девица преждевременно вылетела из отчего гнезда, чтобы отправиться на поиски работы, мужа и приключений. Заинтересовавшись было Эгертом и не получив с его стороны ни малейшего ответа, бедняжка теперь обиженно водила пальчиком по стеклу.

Бок о бок с Соллем сидел унылый, неопределенных лет субъект с висящим, как капля, сизым носом и короткими, сплошь в чернилах пальцами. Эгерт про себя определил его, как бродячего писца.

Плавнo покачивалась туша дилижанса; купец прикорнул, навалившись лицом на раму, девица безуспешно ловила назойливую муху, писец, не отрываясь, глядел в пространство, а Эгерт, у которого от неудобной позы ныла спина и затекали ноги, думал о прошлом и будущем.

Прожив двадцать лет в Каваррене и никогда не удаляясь от него на сколько-нибудь значительное расстояние, он получил теперь возможность увидеть мир – и эта возможность более пугала, нежели радовала. Мир оказался уютным, бесформенным средоточием городишек, селений, постоянных дворов, дорог, по которым бродили люди – угрюмые, иногда опасные, чаще равнодушные, но неизменно неприятные Эгерту незнакомые люди. Солль чувствовал себя неухоженным, измученным, затравленным; сейчас, прикрыв глаза в мерно покачивающемся дилижансе, он в который раз отчаянно пожелал, чтобы все происходящее с ним оказалось дурацким сном. На какое-то мгновение он искренне поверил, что сейчас проснется в своей постели и, разлепив глаза, увидит кабанов на гобеленах, и позовет слугу, и умоется чистой водой над серебряным тазом, и будет прежним Эгертом Соллем, а не жалким трусливым бродягой; он так искренне в это поверил, что потрескавшиеся губы сами собой улыбнулись, а рука провела по щеке, будто прогоняя дремоту.

Пальцы его наткнулись на длинный рубец шрама. Эгерт вздрогнул и открыл глаза.

Торговец глухо похрапывал; девица поймала наконец муху и, зажав насекомое в кулаке, с интересом прислушивалась к звукам, издаваемым несчастной пленницей.

Светлое небо! Вся жизнь Солля, вся счастливая и достойная жизнь его тысячей осколков летела в невообразимую пропасть, позади него оставались позор и боль, которые страшно было вспоминать; впереди его ждала серая, мутная, тошнотворная неизвестность, о которой страшно было помыслить. За что?!

Соль снова и снова задавал себе этот вопрос. В корне всех обрушившихся на него бед лежала трусость, внезапно проснувшаяся в душе храбреца; но как, почему, каким образом стало возможным такое перерождение? Откуда пришла болезнь?

Дуэль с незнакомцем. Эгерт то и дело возвращался к ней мысленно и всякий раз удивлялся: неужели одно поражение способно было так сломить его? Одно нелепое, случайное поражение, произошедшее без свидетелей...

Он изо всех сил сжал зубы и уставился в окно, за которым уже бесконечно долго тянулся сырой, темный лес.

Копыта лошадей выбивали ровный дорожный ритм; торговец проснулся и развернул узелок с ломтем хлеба и копченой куриной ногой. Эгерт отвернулся – он был голоден. Девица уморила наконец муху и тоже потянулась за узелком, в котором оказались булочка и кусочек сыра.

Писец, по-видимому, раздумывал, не пора ли и ему поужинать – когда в размеренном ритме лошадиных копыт появились вдруг лишние, фальшивые ноты.

Дилижанс дернуло – сначала вперед, потом как-то неуклюже вбок; неразборчиво, испуганно закричал возница на передке. Топот копыт послышался сзади и сбоку; торговец вдруг побледнел как мел, и рука его, сжимающая лоснящуюся от жира куриную ногу, крупно затряслась.

Девица удивленно завертела головой; на губах у нее белели приставшие крошки. Писец икнул; Эгерт, ничего не понимая, но чуя недоброе, вжался лопатками в потертую обивку.

Впереди что-то грузно ударилось о дорогу; дилижанс резко сбавил ход, Эгерт едва не полетел вперед, на торговца.

– Осади! – зло выкрикнул мужской голос откуда-то сзади. – Осади, стой!

Истерически заржали сразу несколько лошадей.

– Светлое небо... – простонал торговец. – Нет... Нет!

– Что это? – тонко спросила девица.

– Разбойники, – объяснил писец спокойно, как у себя в конторе.

Сердце Эгерта, несчастное боязливое сердце, одним судорожным движением прыгнуло вверх, к горлу, чтобы тут же провалиться вниз, к желудку. Он скорчился на сидении и плотно зажмурил глаза.

Дилижанс качнулся и стал. Быстро и умоляюще забормотал возница, потом вскрикнул и замолчал. Дверцу дилижанса рванули снаружи:

– Открывай!

Эгерта тряхнули за плечи:

– Молодой человек...

Он через силу открыл глаза и увидел над собой бледное лицо с огромными, часто моргающими глазами.

– Молодой человек... – прошептала девушка. – Скажите, что вы мой муж... Пожалуйста... Может быть...

И, повинувшись инстинкту слабого, который ищет защиты у сильного, она схватила Эгерта за руку – так утопающий хватается за трухлявое бревно. Взгляд ее полон был такой мольбы, такой истовой просьбы о помощи, что Эгерту стало горячо, как на раскаленной сковородке. Пальцы его зашарили на боку в поисках шпаги – но едва коснувшись эфеса, отдернулись, будто обжегшись.

– Молодой человек...

Эгерт отвел глаза.

Дверцу дернули снова, кто-то снаружи выругался, свет в тусклом окошке закрыла чья-то тень:

– А ну, открывай!

От звука этого голоса Солля затрясло. Ужас накатывал волнами, и каждая новая волна перехлестывала другую; холодный пот струился по спине и по бокам.

– Надо открыть, – флегматично заметил писец.

Торговец по-прежнему сжимал в кулаке куриную ногу; глаза его выкатились на самый лоб.

Писец потянулся к дверной защелке; в этот самый момент девушка, отчаявшись найти помощи у молодого человека Эгерта, увидела вдруг темную пустоту под противоположным сидением.

– Минуточку, – примирительно говорил писец тем, кто ожидал снаружи, – защелку заело, минуточку...

Одним ловким движением девушка вкатилась под скамью, и облезлая ткань, покрывающая сиденье, полностью спрятала ее от взглядов снаружи.

Солль плохо помнил, что случилось потом.

Одурманенное страхом, его сознание увидело вдруг лазейку, слабую надежду на спасение. Надежда эта была на самом деле мнимой – но затуманенный мозг Эгерта не понял этого, им овладело одно-единственное, огромное, на грани безумия желание: спрятаться!

Он тащил девушку из-под сиденья, как такса тащит из норы лису. Кажется, она отбивалась; кажется, она укусила его за локоть, изворачиваясь в руках, пытаясь заползти обратно – но Солль был сильнее. Изнемогая от ужаса, он втиснулся под лавку сам, вжался в самую темную щель – и тут только осознал, что произошло.

Он не умер от позора только потому, что в этот самый момент распахнулась, наконец, дверца, и новая волна страха лишила Солля способности соображать. Все пассажиры были выворены из экипажа; сквозь черную пелену, застилавшую ему глаза, лежащий под сидением Эгерт увидел сначала огромные кованые сапоги со шпорами, потом волосатую, упирающуюся в пол руку и, наконец, дыбом стоящую черную бороду с двумя горящими в ней глазами:

– Ха! И точно, вот он, птенчик!

В сознании Эгерта снова случился провал.

Кажется, он даже не сопротивлялся; его вытащили из экипажа, лошади испуганно поводили мордами, косясь на огромное дерево, лежавшее поперек дороги и преграждавшее путь. Кучеру с оплывшим, почти закрывшимся глазом связывали руки, и он услужливо подставлял их, жалобно улыбаясь. Из багажного отделения летели узлы и корзины торговца – часть их, выпотрошенные, как заячьи тушки на базаре, валялась тут же.

Эгерта обыскали – добычей послужили лишь фамильная шпага да золоченые пуговицы на куртке. У писца отобрали кошелек; торговец только трясся да всхлипывал, глядя, как вламываются замки на пузатых сундуках. Девушку держали за руки сразу двое; она вертела головой, переводя взгляд с одного на другого, и что-то просительно повторяла.

Разбойников было пять или шесть – Эгерт был не в состоянии запомнить ни одного лица. Закончив грабеж, они рассовали добычу по седельным сумкам и сгрудились вокруг дилижанса. Писца привязали к торговцу, возницу – к дереву, только Эгерта оставили свободным – но он и не мог бежать, ноги не служили.

Собравшись в кружок, разбойники по очереди совали руки в чью-то шапку – Эгерт с трудом сообразил, что кидают жребий. Чернобородый удовлетворенно кивнул; те двое, что держали девушку, выпустили ее локти – чернобородый по-хозяйски взял ее за плечо и повел к дилижансу.

Эгерт видел ее круглые глаза и дрожащие губы. Она шла, не сопротивляясь, только без устали повторяя какую-то обращенную к мучителям мольбу. Чернобородый толкнул ее в экипаж; остальные выжидательно расположились на траве. Дилижанс качнулся; заскрипели, мерно прогибаясь, рессоры, и приглушенно вскрикнул изнутри тонкий голос.

Разбойники бросали жребий еще и еще. Эгерт потерял счет времени, сознание его раздвоилось: он то и дело кидался на разбойников, круша им ребра и ломая шеи – а потом понимал внезапно, что по-прежнему сидит на земле, вцепившись скрюченными пальцами в траву и мерно раскачиваясь взад-вперед, свободный – и связанный по рукам и ногам болезненным, воспаленным ужасом...

Потом он снова провалился, потерял память и способность соображать. По лицу его хлестали ветки – кажется, он все-таки бежал, только ноги, как в плохом сне, отказывали и подгибались. Сильнее боли и страха мучило в те минуты желание не-быть – не быть, не родиться, потому что кто он теперь, светлое небо, кто же он после всего этого, и какое преступление ужаснее того, что уже совершило чудовище страха, поселившееся в нем против его воли, раздирающее его изнутри...

А еще потом наступила темнота, и все кончилось.

Старому отшельнику, который жил в землянке у ручья, уже случалось находить в лесу людей.

Однажды трескучим зимним утром он обнаружил в чаще девочку лет четырнадцати; белая и твердая, как статуя, она сидела, привалившись спиной к стволу, и сжимала в руках пустую корзинку. Отшельнику так и не довелось узнать, кто она была и что привело ее навстречу гибели.

В другой раз он нашел в лесу девушку – окровавленную, покрытую синяками, одержимую бредом. Он принес ее в землянку – но на другой день пришлось похоронить и ее тоже.

Третьей находкой отшельника стал мужчина.

Это был красивый и сильный молодой человек; он оказался намного выше и тяжелее самого отшельника, и потому тащить его через лес было особенно трудно. Едва переводя дыхание, старик умыл его водой из ручья – тогда найденыш застонал и открыл глаза.

Отшельник обрадовался – по крайней мере этого не придется хоронить! Он всплеснул руками и одобрительно замычал – с рождения лишенный дара речи, он только так и умел выражать свои чувства.

...По поверхности ручья стелились водяные травы. Темно-зеленые верхушки их пытались уплыть по течению, простираясь, будто в мольбе – но корни, увязшие в темном земляном дне, удерживали их. Над ручьем висали стрекозы – грузные, глупые, перламутровые, как дамские украшения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.